

«ПОСЛЕ КОНЦА»

«ВСЕЛЕНСКИЕ ИСТОРИИ»

РАССКАЗЫ

ЮРИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ / 4

МАМЛЕЕВ

Собрание сочинений Юрия Мамлеева

Юрий Мамлеев

Собрание сочинений.

Том 4. После конца.

Вселенские истории. Рассказы

«ЭКСМО»

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мамлеев Ю. В.

Собрание сочинений. Том 4. После конца. Вселенские истории.
Рассказы / Ю. В. Мамлеев — «Эксмо», — (Собрание сочинений
Юрия Мамлеева)

ISBN 978-5-04-104617-0

Юрий Мамлеев – родоначальник жанра метафизического реализма, основатель литературно-философской школы. Сверхзадача метафизика – раскрытие внутренних бездн, которые таятся в душе человека. Самое афористичное определение прозы Мамлеева – Литература конца света. Жизнь довольно кошмарна: она коротка... Настоящая литература обладает эффектом катарсиса, который безусловен в прозе Юрия Мамлеева, ее исход – таинственное очищение, даже если жизнь описана в ней как грязь. Главная цель писателя – сохранить или разбудить духовное начало в человеке, осознав существование великой метафизической тайны Бытия. В 4-й том Собрания сочинений включены романы «После конца», «Вселенские истории», рассказы XXI века.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104617-0

© Мамлеев Ю. В.
© Эксмо

Содержание

После конца	6
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	37
Глава 10	40
Глава 11	44
Глава 12	46
Часть II	50
Глава 13	50
Глава 15	51
Глава 16	53
Глава 17	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Юрий Витальевич Мамлеев
Собрание сочинений. Том 4. После
конца. Вселенские истории. Рассказы

© Мамлеев Ю. В., наследник, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

После конца

Часть I

Глава 1

Валентин Уваров почувствовал, что сошел с ума. Удар в сознание, а дальше – непонятно, наверное, никому на свете, что с ним произошло. Легче принять смерть, чем это. А ведь он был в жизни своей (Валентину исполнилось недавно 30 лет) весьма и весьма глубинен, много читал, общался в самых потаенных московских кружках, которые существовали в начале нашего XXI столетия...

Наконец Валентин огляделся. «Оглядеться никогда не мешает», – подумалось где-то за пределами ума. Но куда смотреть – в себя или вокруг? Валентин взглянул вокруг. Милый лесок с невинными птичками, поляна в цветах – все исчезло, как будто их всех сдунула незримая, но высшая сила...

Оглянувшись, все-таки Валентин понял, что лучше заглянуть в самого себя. Там уже почти прошло ощущение глобального сдвига, и из океана неопишуемого вполне проглядывала его полузагадочная, но привычная личность. Да, это был он. Личность осталась.

А вдали и вокруг творилось нечто действительно неопишуемое, и не только с точки зрения здравого смысла.

Откуда взялись эти дикие, людоедские, если интуитивно взглядеться, деревья? С их ветвями, обращенными вверх, словно с мольбой о милосердии?

Над головой – черное небо, но почему-то светящееся, словно тьма может излучать свет. Свой свет мрака!

Но была ли ночь?! Вдали на горизонте что-то пылало багровым, по-человечески живым пламенем! Словно люди превратились в огонь.

А земля? По ней и ступать было страшно. Она путалась, шипела под ногами, как змея.

Недобрая это была земля.

«Все ясно, – решил Уваров. – Я на самом деле сошел с ума. Все, что я вижу, – мираж, невиданная самим дьяволом галлюцинация. Что делать?»

Уваров вдруг сам зашипел.

«Если я сошел с ума, то все позволено, – попытался успокоить он сам себя. – Иди, Валя, вперед. Видишь дорожку?! Ну и иди по ней, будь она самой проклятой черной галлюцинацией. Иди по ней».

Дорожка и вправду не путалась, виделась, как на балу. Хоть танцуй, хоть беги.

И Уваров побежал. Скорей, скорей, чтоб мираж исчез. «От бега и на душе легче», – подумал он, ни о чем не думая. А внутри что-то стучало: «Это смерть, Валя, но смерть вторая, самая страшная. – «А за что?» – «Да ни за что. Просто так». – «Такое не бывает». – «На белом свете и правда не бывает, а вот у нас, Валя, это как правило», – прозвучало что-то внутри.

Уваров попробовал унять, усмирить душу и все, что в ней оказалось, словно это была не душа, а вселенский мешок. Но тут кто-то его укусил.

Слава богу, это был человек. Скорее не человек еще, а дитя, маленькое, юркое и не по росту бесшабашное.

На Уварова смотрели детские глаза, но что-то в них было подозрительное и, мягко говоря, совсем не детское.

– Ты чего кусаешься? – тупо спросил Уваров. Дитя в ответ дико заверещало непонятно что и вдруг вцепилось Уварову прямо в брюки, в член. Уваров инстинктивно защитился и увидел на миг глаза ребенка, полные ненависти и, кажется, наслаждения, которому нет конца.

В ужасе Валентин отбросил ребенка и опять побежал. Но куда бежать? На горизонте – пылающий мрак, силуэты причудливых зданий, словно растворяющихся в воздухе. «Мираж» не исчезал, а Уваров все бежал и бежал.

Наконец остановился – не стало сил. Мальчик оставался далеко позади, но упорно приближался, точно заведенный...

Уваров начал молиться, но с ужасом почувствовал, что слова молитвы падают в пустоту, словно это пространство не принимало молитв.

И внезапно – рев машины. На дороге оказалось нечто похожее на автомобиль, точнее, бронированный вездеход дикой формы. Из него выскочили четверо низкорослых, но коренастых мужчин, видимо хорошо вооруженных. Чем – Уваров не понял. Они злобно, резко направились к нему. Подскочил и мальчишка. Один из мужчин ударил его кулаком в голову, и ребенок отлетел в канаву. Другой – подошел и изнасиловал его, мужчины же стояли и поджидали насильника. Валентин тоже стоял. Изнасиловавший быстро вернулся, а мальчишка как ни в чем не бывало выглянул из канавы и все смотрел и смотрел.

Вооруженные люди подошли к Уварову, что-то прошипели на совершенно незнакомом языке, если это вообще был язык.

Они впихнули Уварова, находящегося почти в сомнамбулическом состоянии, в машину и поехали.

...Уваров очнулся, надеясь на конец сновидения. Не тут-то было. Один из вооруженных дал ему по зубам и вывел из машины на свет...

То был город с пугающими своей странностью домами: люди, которых, наверное, можно было бы назвать полицейскими, схватили Уварова за шиворот и ввели в здание. Он опять потерял сознание, память и ум, но вооруженные не обратили на это внимания.

Уваров очнулся, когда был уже на сцене, – сооружение, во всяком случае, напоминало сцену. А вокруг – не зрительный зал, а нечто хаотичное. Стулья стояли не рядами, а где попало, и множество крайне низкорослых людей сидели, лежали на полу, стояли, подпрыгивали тоже где попало. Одежда их, однако, была проста. При всем ее разнообразии – ничего лишнего.

Рядом с Уваровым стоял человек и что-то говорил, по-видимому, в микрофон на том же невообразимом языке и указывал на Уварова. Позади говорящего – охранники, почему-то с цепями.

До Уварова наконец дошло, что никакая это не галлюцинация, не черный мираж, не выжившее из ума сновидение, материализовавшееся каким-то образом, перед ним – так называемая реальность.

Было о чем задуматься. И кровь текла изо рта лишь чуть-чуть реально, видимо, повредил зуб. Тогда Уваров закричал. Кричал он громко, путая русские, английские и французские слова. Все слушали его, не мешая.

Он кричал о том, что можно не верить в Бога, но надо, по крайней мере, уважать любое живое существо, если у него есть глаза, которые смотрят и видят мир.

После его сумбурной, почти безумной речи воцарилось молчание.

Человек рядом опять заговорил, а двое охранников подошли поближе к Уварову. И внезапно люди точно сорвались с места. Уваров только хотел крикнуть, что он не с Луны свалился, но не успел. Кругом завывали, завизжали, но в основном прыгали назад и вперед, некоторые приплясывали, другие просто совокуплялись на глазах у окружающих. Но вокруг стоял хохот. Многие указывали пальцами на Уварова и давились от хохота, но как-то неестественно и пугающе. Некоторые подбегали совсем близко к Уварову, и Валентина шатало от их взглядов, бессмысленно-трупных.

Активность толпы вдруг затихла. Даже совокупляющиеся расцепились и пришипелись. Вошли люди в темно-синей форме, подтянутые, но свирепые от избытка своих полномочий. Они подошли к Уварову и отшвырнули оратора, стоящего рядом с ним. Охранники исчезли. Полномочные вежливо-жестко подхватили Уварова и увели его. Длинными подземными коридорами, темными, как ночь, его провели в огромную полупустую комнату. В центре ее, в кресле, под чучелом невиданной громадной птицы, напоминающим скелет птеродактиля, сидел худой, благообразный на вид старик. Рядом с ним, на стуле, сидел, как изваяние, другой старик, напоминающий большую гадливую кошку. Он раскрыл рот и жестом дал знать Уварову, чтоб он говорил.

Валентин заявил, что он просит доставить его в российское посольство, и повторил свое высказывание несколько раз, то спокойно, то истерично.

Гадливый старичок, видимо, ничего не понял, он лишь внимательно прислушивался к звукам. Потом что-то шепнул на ухо своему отрешенному, как мумия, начальнику. Тот дал указание пальцем.

Старичок подскочил к Уварову и стал его ощупывать и обнюхивать. Прошелся по спине, по заднице, дернул за член, и лицо его выражало полное изумление.

Валентин посмотрел ему в глаза, гадливый старичок улыбнулся, но в его круглых, как луны, глазах проблеснул патологический ужас. Отскочил и, обернувшись к мумиеобразному начальнику, что-то заверещал. Тот наконец ответил – тихо, но грозно. Стражники схватили Уварова, накинули на него ошейник и вывели во двор. Там стояла сигарообразная, серебристого цвета машина, и Уваров, решивший ни о чем не думать, кроме смерти, оказался в ней.

Машина двинулась. Стражники с ничего не выражающими лицами сели рядом. Один из них шумно испустил непристойный звук, никто не пошевелился.

Валентин вглядывался в окружающий мир, надеясь найти в нем что-то знакомое. Ничуть. Этот мир поражал своей агрессивной мертвенностью. Облака, тучи нависали необычно низко, заслоняя собой бездонную голубизну неба.

Лес походил на живое существо, пораженное предсмертной агонией. Пробежал зверек, словно сошедший с ума.

– И непонятно даже, – пробормотал Валентин, – что сейчас, день или ночь. Может быть, здесь день превращен в ночь, а ночь в день.

Он попытался помыслить рационально, прийти в себя. Во-первых, он жив, а следовательно, жива в нем и вера в Бога. Во-вторых, он попал неизвестно куда, но ведь на свете могут происходить вещи, которые не снились не только философам, но и всем людям, вместе взятым, включая так называемых ученых. В-третьих, если его убьют – это не катастрофа, все умирают и продолжают жить иной жизнью, как и сказано во всех Откровениях. Только не надо задавать себе истерических вопросов: Что это за мир? Где он? Что означают эти люди?.. Рано или поздно это выяснится само собой.

Валентин взял себя в руки. Это был весьма приятный светловолосый человек, глаза зеленые, умные... В конце концов, он недаром вживался в эзотерические, пусть даже скорее полужезотерические московские круги. Писал стихи, которые встречали глубокий отклик, переводил любопытные книги.

«Самое главное сейчас – не сойти с ума, – подумал Валентин. – Как тот зверек, что пробежал под землю мимо...»

Но не сойти с ума оказалось трудным делом. Ум настолько расшатался от всего увиденного, что Валентину казалось – еще немного, и ум полетит в бездну, и что возникнет вместо ума, одному Богу известно. Ум висел над пропастью, из которой нет возврата...

А машина мчалась и мчалась.

Внезапно – стоп, приехали. Уварова вытолкали наружу. Перед ним было нечто вроде крепостной стены, уходящей вдаль, в бесконечность. Но в стене оказались ворота. Они мед-

ленно открылись. Валентин ожидал увидеть там нечто чудовищное, вроде спрута, пожирающего самого себя, но за стеной виднелась дорожка, поляна, кустарники, деревья... Охранники ввели Уварова внутрь. У ворот стояла молчаливая стража.

Во время поездки Валентина больше всего угнетало молчание. Молчали не только охранники, молчало все: природа, деревья, небо, весь мир. Автомобиль и тот ехал бесшумно. Мир вокруг молчал так, как будто его уже не существовало. Зловещее это было молчание...

Охранники повели Валентина по дорожке. Шли недолго – минут пятнадцать, если считать по-нашему, и наконец Валентин увидел небольшой одноэтажный домик. Словно дача какая-то. Охранники указали ему на домик, а сами неожиданно повернулись и пошли назад. Валентин оцепенел, но ему ничего не оставалось, как идти к домику.

«Пространство все это, видимо, окружено стеной, – подумал он. – Да и куда идти? Только к домику». Валентин огляделся. Как ни странно, природа здесь оказалась как-то чуть-чуть человечней, немного мягче, что ли. Он побрел к домику, один, в своем легком летнем костюмчике, купленном в Питере... Но опасность сумасшествия не сходила. Окна домика были открыты, и вдруг он услышал такое, отчего холод прошел по спине. Он почувствовал, что сердце вот-вот разорвется.

Слышал он пение: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан, не входи, родимая, попусту в изъян...» Пела женщина, на чистом русском языке. Потом открылась дверь, и на пороге появилась девушка в народном русском одеянии. На ее голове красовался кокошник.

Если можно сойти с ума дважды, сначала один раз, а потом еще один, в глубь безумия, – то именно в таком состоянии застыл Валентин. Но второе безумие было уже блаженным.

Глава 2

– Мама, мама, еще один! – закричала девушка в глубину дома. – Он русский, наш, сразу видно!

На ее зов вышли пожилые люди, женщина и мужчина, лет пятидесяти, может быть, тоже в народной одежде, похожей на ту, которую носили в XIX веке. Они ошолобенело смотрели на Валентина. Но девушка решительно и неожиданно подбежала к нему.

– Не бойсь, – тихо сказала она. – Здесь свои. Никто тебя не обидит. Идем в дом.

– Где я? – спросил Валентин.

– В аду, – ответила девушка. – Но здесь наше пристанище, и тут не ад, а русский дом.

Валентин твердил про себя только одно: «Я не сошел с ума, я не сошел с ума... Господи, помилуй...»

Девушка улыбнулась и вслух произнесла:

– Господи, помилуй... Идем, будешь нам родным.

«Если принимать зло как факт, то и благо надо принимать так же», – мелькнуло в уме Валентина. Улыбка девушки, ее лицо сразу ввело Валентина в очистительный транс. На глазах его появились слезы, он готов был разрыдаться.

«Только бы это не оказалось сном, пусть то, что было раньше, будет сном, но только не это», – молниеносно подумал он. Губы его дрожали. Тем временем подошли пожилые люди. Мужчина сразу представился:

– Потапов Иван Алексеевич. Родился в одна тысяча восемьсот десятом году в Костроме. А ты, сынок, откуда?

Уваров чуть не упал, но возразить не посмел. «Или я ослышался, или он сумасшедший, – подумал он. – А может, шутит...» В ответ он только развел руками.

– А я Полина Васильевна, – добродушно сказала женщина. – Родилась в одна тысяча восемьсот двенадцатом, при пожаре Москвы, при Наполеоне, Антихристе... А это дочка наша, Даша. Ей всего семнадцать лет.

«Не возражать, не кричать, не топать ногами, – решил про себя Валентин. – Ведь они хорошие», – и, повинаясь доброте хозяев, пошел в дом.

– Тебя как зовут? Ты отколь? – спросил Иван Алексеевич, когда они подходили к дому.

– Валентин я, из Москвы.

– Святое место, – тихонько вздохнула Полина Васильевна.

– Маменька, смотри, он сам не свой, пожалей его, – спохватилась девушка. – Легко ли, попасть в ад...

– Обогреть тебя надо, обласкать, Валентин, – согласилась Полина Васильевна.

– Главное, ничего не бойся, – добавил сам Потапов. – Мы православные и при жизни всегда все соблюдали, людей и Бога любили, а попали сюда, потому что Господь захотел испытать наше терпение, а не потому что мы какие-то там прихвостни врага человеческого... И ты тоже такой, по лицу видно – душа у тебя добрая...

Так, за беседушкой, они вошли в дом. Прошли в комнату, где все было просто и как положено. Самодельные иконки в углу, белая скатерть на столе, стулья, шкаф. До крестьянской избы, конечно, не дотягивало, но в целом Валентин почувствовал: здесь покой и нормальность.

Расселись за столом.

– Мы люди простые, из бедных дворян. Когда сюда попали – обомлели, плакали целыми днями. Кругом черти, да еще в человеческом обличье. Визжат, кусаются, творят такое – слов нет. Перед иконами стыдно говорить. Мы думали: за что же души наши погублены, за что? – рассказывал Иван Алексеевич. – Но молитва помогла. Молились мы втроем – и, наконец, Господь сподобил, осветил нас Словом Своим. Во сне разум мой освежился, и сказано было мне, чтоб я, мы все терпели, а души наши спасены будут по воле Божьей. Для Бога и ад не крепость. С тех пор лучше нам стало.

– А как вы сюда попали?

– Как, как... Шли втроем по бережку, потом по леску, грибы собирали. Солнышко светило ласково... И вдруг сила нечеловеческая, вестимо, бросила нас сюда...

Между тем Полина Васильевна уже хлопотала насчет обеда. Помолились.

Потапов промолвил:

– Но не думайте, страху много будет. Не собьетесь – душа спасется.

Валентин понемногу приходил в себя, но мысли путались, и он не знал, с чего начать... Вспомнил наконец, что оставлены в далекой недостижимой России родители, друзья... С женой Валентин, однако, развелся два года назад, детей от этого короткого брака не было...

Еда, в глазах Валентина, чем-то отдаленно напоминала прежнюю, российскую.

– Вот это мы называем картошкой, – умилилась Полина Васильевна, – вот это – луком... и гляньте на хлебешек. Кушайте на здоровье... Другое здесь не растет...

Встали, помолились, как в былые, хорошие времена.

– Не думай, а лучше говори с ним, сынок, – тихо сказала Полина Васильевна. – Не огорчайся очень... Раз ты к нам такой пришел, то испытание адом тебе дадено, как и нам... Но душа твоя спасена будет... я чувствую это... как и наши души... это главное... А там хоть съедят нас, – дело второстепенное... Душе-то что? Она из другого теста создана.

Валентин молча вкушал пищу ада.

– Откуда вы ее берете? – наконец спросил он.

– Немножко вокруг растет, а потом нам черти привозят... Они же здесь в человеческом виде, – ответил Иван Алексеевич. – В этом их свойство, особенность. И как будто по-человечьи говорят, ну, а сами... Увидишь, сынок, какие это люди, сразу поймешь, кто они. Не дрожи, держись веры, но страх огромный на тебя нагонят...

– Для чего они вас держат?

– Не знаем, – ответил Потапов. – Им виднее... Лучше об этом вам Сережа расскажет.

– Какой Сережа?! – удивился Валентин.

– Какой есть. Молодой человек. Хорошего образования. Попал сюда немного позже нас. Хоть и чудной, но стал нам родной, – добавил Иван Алексеевич.

– Его сегодня черти привезут, – пояснила, покраснев, Даша. – Взяли, но должны привезти обратно.

За окном послышались какие-то звуки. Полина Васильевна подбежала, раскрыла окно.

– А вот и он идет, легок на помине.

Вскоре Валентин услышал пение и ясно различил слова:

Пой же, пой на проклятой гитаре,
Ходят пальцы твои в полукруг.
Захлебнулся бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг...

Рядом с ним молча шли черти. Их было два.

Валентина эти слова поэта из прошлого, это пение в аду резануло так, что в глазах его потемнело, он вскочил и пошатнулся, припав к стене.

...А в комнату уже входил он – Сережа Томилин, исчезнувший с лица земли в 1926 году и попавший в ад. Впрочем, у Сережи было свое мнение относительно того, куда он попал. Через несколько минут Валентин и Сережа Томилин стали неразрывными друзьями.

После обеда Потаповы, как и полагалось в XIX веке, пошли спать, и Сережа с Валентином остались наедине.

– Ты пойми, Валя, – говорил ему через часок беседы Сергей. – Не ад это, не ад. Теологически не сходится... Но старики так считают, я их люблю, они мне как родные – но они слишком просто судят... Оно, конечно, похоже, и метафорически, косвенно, что ли, это ад, и мы среди чертей... А что, не черти, что ли, были в 17-м? Среди руководства Черный козел, он может любой облик принять... Ему-то что... Но не ад тогда был, и здесь не ад...

– А что же, что?

– Ты мне сначала скажи, с какого ты рождения?

– С 1977-го.

– Ого-го! А я в двадцать шестом пропал... Ну и как? Большевичье-то поганое небось прогнали где-нибудь к тридцатому году?

– Не прогнали. Но сейчас их нет... Потом все расскажу, какой расклад получился... А сейчас ты же не ответил мне на главный вопрос, где мы?

Сергей пересел на стул поближе к Валентину.

– Валя, в себя приди! Мы же в физическом теле... В ад можно попасть только после смерти. В какой-то степени это, конечно, ад, но не совсем. Тут дело сложнее...

– А как же старики, такие православные, не понимают этого?

– Да все они понимают! Я с ними сроднился, они даже мой язык XX века чуть-чуть переняли, но они считают, что оказалось, вопреки богословам, ад может быть и в физическом теле... Просто богословы об этом не знали, мало ли что богословам неизвестно, не все Бог нам открыл, а только частично...

– А ты как считаешь?.. Выпить бы сейчас, Серега...

– Алкоголя тут нет... А я полагаю, что мы попали в необъяснимый фантастический мир. Его надо принять, и все.

– Сергей, ну это не объяснение, а поэзия просто.

– Хорошо. Слушай. К нам приходит один человек. Из их племени. Великий ученый, жрец, – не знаю, кем они его считают... Но он прячется от них в подземельях... И посещает нас. Как он обходит охрану – не знаю... Имя его – Вагилид. Он знает древние языки, как он

выражается. В том числе русский... Так вот мы попали в отдаленное, точнее, очень далекое от XX века будущее человечества.

Валентин заходил по комнате. Кровь бросилась в лицо.

– Что, что? Это, именно это – будущее человечества?

– Да.

Глава 3

Валентину и Сергею постелили в одной небольшой комнате. Среди глухой ночи Сергей проснулся и привстал.

– Ты плачешь, Валентин?

Ответом были слезы, комок ужаса в горле.

– Тебе жалко человечество? – Сергей говорил почти шепотом, но слышали бы даже крысы, такая стояла бездна тишины и мрака, словно вся земля превратилась в огромное кладбище. – Послушай, – продолжался шепот, – не все так однозначно. У Вагилида есть документы, книги, что-то осталось от прошлого. Видимо, есть и другое человечество, не здесь. Произошло нечто грандиозное, неопишемое...

– Я не по себе плачу, – медленно проговорил Валентин.

– Послушай, как сейчас в России? – с внезапной тревогой спросил Сергей.

– Плохо. И в России, и в мире. А XXI век идет и идет.

– Я так и думал.

– Потом расскажу.

Сергей встал и сел на кровать в ногах у Валентина.

– Сергей, а зачем они тебя вызывали? Что они с тобой сделали? Что они хотят от нас?

Лицо Сергея еле виднелось во тьме, и вся его фигура словно была поражена тьмой этого мира.

– Что сделали? Взяли кровь, и только, но я держусь. Хоть бы скорей убили или съели нас. Освободиться бы от тела и уйти из проклятого мира... Останется душа и тонкое, энергетическое, невидимое физическое тело, и вот тогда мы узнаем, куда попадем... Тогда мы узнаем, куда попадем... Тогда будет надежда, и не только...

– Ты думаешь, они хотят нас убить, как-то использовать физическое тело?

– Нет... Они бы давно все это сделали... Я – интуит, и кажется мне, что они не откармливают нас для своих лабораторий, если они у них есть. Мне видится, что мы нужны для какой-то иной, тайной цели. Даже Вагилид не может понять, для какой... Он – единственный здесь друг нам. Особенно не верю никаким объяснениям. Вагилиду верю, но наполовину.

– А во что верить? – тихо-тихо спросил Валентин, точно их разговор подслушивали тысячи демонов.

– В Бога, конечно, и в реальность фантастического мира. Если вдруг я увижу здесь, в теле, живой сгоревшую при пожаре мою мать – я не удивлюсь. И не надо никаких объяснений.

– Сережа, спой мне что-нибудь, – попросил вдруг Валентин. – Ты так пел, возвращаясь.

– Валя, ты не ребенок... Но и я чуть не сошел с ума, когда попал сюда. Но мне никто не пел. Но надеюсь, мы рано или поздно услышим райское пение.

– А я хочу русское, а не райское.

– Да если петь здесь наши песни, сердце и все существование перевернется вверх дном. Хотя я пробовал.

– И какой результат?

– Я один раз перед местными ни с того ни с сего запел. Убежали, как молнии. Не место здесь песням.

Поговорив еще немного, Сергей и Валентин, как-то успокоившись, все-таки заснули.

Проснулись поздно, когда в дверь постучались. На пороге стояла Полина Васильевна.

– Как почивали, дорогие? Мы уже помолились, позавтракали.

Сергей повел Уварова на задворки, где было что-то похожее на умывальник. Валентина поразила белая курица, выскочившая с кудахтаньем из-за бревна.

«Абсолютно как наша курица. Не отличишь. Значит, они совсем не изменились», – подумал он, сопровождая курицу пристальным взглядом. Сергей все понял и усмехнулся.

– Такая же, но не совсем. Абсолютно не изменились крылья. Им и конец света нипочем. Довольно плотно позавтракали.

– Это мы называем сыром, – объяснила Полина Васильевна про невзрачную серую массу.

– Голод не тетка, матушка, – ответил Сергей. – Съешь даже пищу конца мира, была бы хоть немного съедобна...

Не успели выйти из-за стола, как раздались отдаленные свирепые звуки.

– Это повелитель к нам едет, – немного умильно сказала Дашенька, дочка.

– Какой еще повелитель, Сергей? – встрепнулся Уваров и увидел, что старики побелели.

– Ничего страшного, – успокоил Уварова Сергей. – Едет главный начальник этой страны.

Вагилид объяснил нам, что его надо называть Правитель, но это сам черт не разберет.

– Неприятно все-таки, – сморщился Потапов. – Он приезжает к нам иногда осматривать нас. Никакого зла он нам не сделал пока...

Валентин так и ахнул. «Начинается», – подумал он.

На дворе уже стояло огромное чудовище, внешне мало похожее на автомобиль. Стражники роботообразно вывели всех пятерых пришельцев во двор и поставили в один ряд. В середине – Иван Алексеевич Потапов, а с правого боку от него – Потапова и Валентин. Сергея же поставили с левого боку, а потом Дашу. Сзади – крупно вооруженные стражники. Оружие непонятно-неприятного вида, и к тому же устрашающее.

Повелителя (так уже называли его Потаповы) вынесли из автомобиля в кресле. Кресло было простенькое, что подчеркивало величие Правителя. Кресло почетно поставили перед нашими новоселами на вполне гармоничном для общения расстоянии. Четыре стражника, двое сбоку и двое позади, застыли как изваяния у кресла.

Валентин внешне тупо повиновался во всем, подобно остальным, но повиновение в основном выражалось в молчании. Молчали новоселы, молчали стражники, молчал и Повелитель, худой старик с лицом, похожим на отрешенное чучело. Повелитель тем не менее пристально вглядывался в своих арестованных пришельцев. Взгляд его не отрывался от их лиц, и внезапно Повелитель заплакал. Он плакал беззвучно, минут пять-шесть. Стражники не шелохнулись. Потом дал знак, кресло почтительно внесли в автомобиль, и тут же машина стремительно двинулась и скрылась. Пришельцы так и застыли на месте до тех пор, пока странный звук от автомобиля, похожий на крик птицы, не затих окончательно.

– Что это такое?! – вскрикнул наконец Валентин.

– Всегда так, – ответил Иван Алексеевич. – Он приезжает, смотрит на нас и плачет. Потом уезжает, ни одного слова, ничего больше.

– Никакого знака вообще, – пробормотал Сергей.

– Ну и Господь с ним, – прошептала, замешкавшись, Полина Васильевна. – Уехал, и слава Богу. Одному Творцу только известно, кто он такой. А мы люди простые. Не убили, и ладно.

* * *

...Чтобы скрасить существование, собрались все вместе в маленькой комнатухе, Бог знает на что рассчитанной.

Дашенька села у окошечка, как бывало в России, и окончательно задумалась. Она смирилась, слушаясь родителей, но ее еще детское сердце не признавало ада. Смотрела она вдаль, но и там не было ни России, ни царя-батюшки.

– Расскажите, не боясь правды-матки, Валентин, что случилось с Россией? Сергей говорит, что была революция и царя свергли. Неужто? – спросил тихо Потапов.

– Уж извини, Сережа, – вмешалась Полина Васильевна, – но никогда этому не поверю. Не могу поверить, и все. Чтоб свергнуть, свершить насилие над помазанником Божьим, который перед Богом и всем христианским миром отвечает за страну и правит ею? Не поверю. Какими же надо быть злодеями, чтоб нарушить то, что сам Бог установил.

Сергей осторожно шепнул Уварову:

– Только про расстрел не говори, ради Бога... Не добивай предков наших дорогих, жизнь нам давших.

– Что вы там шепчете, Сергей, пользуясь тем, что мы глуховаты малость? – пробурчал Иван Алексеевич.

Валентин был поставлен в тупик. Он мямлил, дергался и все ссылался на то, что XX век нашим драгоценным прабабушкам распознать трудно.

– Говорите прямо. Как будто вы перед самим Суворовым стоите, – рассердился наконец Иван Алексеевич.

– Знаете, война была, разруха, и так стало тяжело, что сам царь отказался от престола, – смутясь, ответил Валентин. – Но и тут, как коршуны, набросились делить власть...

Целых три дня прошло в таких разговорах.

– Отдана была светлая Россия Сатане, да мир заодно с нею, – закончил Сергей. – Я помню, как жили до этих событий 17-го года. Даже самый бедный народ был какой-то жизнерадостный, веселый, словно Светлая Пасха, когда двери домов были открыты для всех. А что не быть жизнерадостным, если в вечной жизни, после так называемой смерти, были уверены. Это же надо, за весь XIX век только человек десять казнили, приговорив к смерти.

– Да это мы сами знаем без вас, – опять осерчал Потапов. – Вы нам про будущее расскажите, про XX век. Раз вы, молодые люди, после нас в ад попали...

И Сергей, и Валентин отвечали уклончиво, дескать, войны одни были...

– И не бойтесь сказать, – вставил Потапов, – что христианская вера была почти везде и повсюду в мире поругана – мы сами знаем, что по пророчествам так оно и должно быть.

– Вестимо, батюшка, – отозвалась Даша, – как объяснить иначе, что мы здесь оказались.

Так и прошли эти три дня – Валентин расспрашивал об аде, Сергей – о мире, о России, и сам не верил, что он в аду, Потаповы не верили, что царя свергли.

Глава 4

Следующим утром Валентин спросил Томила:

– Серега, ты хоть самых величайших поэтов России XX века видел?

– Видел, как читали они свои стихи, но не более, – вздохнул Томилин и прибавил: – Мы с тобой, Валя, здесь как во сне сейчас живем... Три дня нас не трогают, и нам снятся сны – где явь, где сновидение и где наш разум – неизвестно...

За завтраком Уваров все-таки пошутил:

– В этом аду как в санатории. Кормежку привозят...

Но на глаза Даши навернулись слезы.

– Как в зоопарке, Валентин, – оборвал его Сергей. – Сейчас передышка, а потом узнаешь, какой здесь санаторий.

Дашенька не знала, ни что такое «санаторий», ни что такое «зоопарк». Она просто плакала. За окошком не виделась Россия, один рассвет того, что неопишимо.

Вдруг в соседнее оконце четыре раза постучали. Сергей вскочил:

– Это Вагилид... Тот, о котором я тебе говорил, Валентин... Но он не должен был прийти сейчас.

Открыли.

– Он наш друг, – успел еще шепнуть Сергей, – подземный жрец и духовидец.

На пороге стоял высокий худой человек, совершенно не похожий даже сложением на местных. Одухотворенное лицо, один глаз – страдальческий, другой – как бездна. Одежда напоминала древнеримскую тогу.

– Все собрались, дети мои из далекого прошлого? – сказал он на ясном русском языке, но со странным акцентом.

– У нас вновь прибывший, – заговорил Сергей.

– Я знаю об этом.

Валентин, забыв о том, что рассказывал ему о Вагилиде Сергей, был потрясен до безумия. Он не знал, что вымолвить. Наконец пролепетал:

– Вы знаете русский? Что это такое? Где я?

Вагилид усмехнулся:

– Я изучал древние языки: русский, китайский, санскрит, французский... Это искусство давалось мне быстро и легко – не без помощи магии, между прочим... Я читал русские книги и знаю разговорный русский. К тому же – практика.

Он взглянул сначала на Потаповых, потом на Сергея.

– Хотите покушать, Вагилид? – робко спросила Полина Васильевна.

– Не надо. Мне нужно поговорить с новым пришельцем. Наедине. Около дома, там, где столик.

Валентин, не совсем убежденный в реальности происходящего, поплелся за ним.

Уваров боялся этого ощущения нереальности, того, что явно все-таки происходит, но не похоже на явь. «Ум не может такое воспринять и поэтому гибнет, – подумал он и стал успокаивать себя, резко и истерично: – Я жив, чего же еще надо?!»

– Совершенно справедливо вы шепчете, человек, – услышал он голос Вагилида, – вы живы, и что еще надо, кроме жизни?! Остальное – пустяки.

Валентин вздрогнул, но согласился.

Они сели за обычный, в конце концов, столик. Все-таки некоторые приметы сохранились. Но деревья около столика ошеломляли своей неправдоподобностью. Уварову даже казалось, что они немного двигаются из стороны в сторону и того гляди могут сцапать, схватить своими когтистыми ветвями. Схватить и унести. «И деревья, как всадники, съехались в нашем саду», – мелькнуло в уме.

– Сидите спокойно и не бойтесь, – пояснил Вагилид. – Почти все деревья в нашем мире пособники вампиров. Особенно в лесах. Но вам ничего не грозит. Расскажите о себе. Подробно.

Валентин собрался с духом и рассказал. Вагилид иногда задавал короткие, отрывистые вопросы.

Наконец Валентин кончил.

– А теперь я хочу спросить только одно: где я?

Вагилид с грустью посмотрел на Валентина.

– Я не буду влиять и отнекиваться, – такое владение русским языком выводило Валентина из себя и разрушало последние нервы, – и скажу вам прямо: вы попали, дорогуша, в период после конца света.

– Что вы говорите? – Валентин вскочил с места. – Этого не может быть!!!

– Успокойтесь! Может быть все, конец света был. Только не принимайте это близко к сердцу.

– Не верю.

– Да оглянитесь вокруг, друг мой. Неужели не ясно, что конец света был?

– Как понять?

Вагилид довольно отрешенно посмотрел на пришельца.

– Сядьте. Сейчас объясню. Вы, кажется, из XXI века попали сюда? Бывает, бывает. Сдвиги во времени. Но XXI век – это такая дремучая древность. С тех пор, милейший, прошло не одно тысячелетие. Было все: и покой, и взлеты, и адские падения. Но финал состоялся, и в общем в согласии с древними откровениями.

Валентин молчал. Он стал ощущать, что он находится там, где невозможно находиться. Все: и деревья, и стол, за которым сидели, и сам Вагилид – казалось призраками и смертью, вечной смертью.

– Состоялось глобальное столкновение двух противоположных начал. Одно из них увело избранных по духу туда, где иная земля и иное небо. Другая, падшая, так сказать, часть человечества тоже по-своему определилась, и живые, и мертвые. Все свершилось по древним пророчествам, за некоторым исключением. Земля превратилась в вихрь Гнева Божьего. Казалось, все разрушено. Человечество ушло. Кто за черным спасителем, кто в рассеяние по вселенной, кто в ад, кто в сферы истинного спасения и духа. Кругом одни патологические развалины, и вдруг среди этих развалин появились, возникли, как черти в табакерке, люди. – Валентина передернуло. – Да, да, люди, другие люди, волосатенькие, низенькие, озлобленные, с шаровидными глазами и с необычайно коротким периодом жизни.

И Вагилид захохотал. От громко-зловещего хохота будто закачались ветви деревьев.

– Не черти, а люди. Все изменилось на земле, человек как образ и подобие кончился на земле, но мы остались.

И Вагилид хихикнул, что выглядело странно. Валентин что-то лепетал в ответ, сам не понимая что.

– Все изменилось на земле физически, но жить было возможно. С трудом. Особенно ожесточала короткость жизни. Ее трудно перевести на ваш доисторический счет, но приблизительно это всего лишь лет двадцать-тридцать. Конечно, и развитие человека идет быстрее, так называемое детство к примеру.

– Мало, мало живете, – тоскливо и нелепо пробормотал Валентин. Ветвь неопишемого дерева нависала над самой его головой.

– Это ожесточение из-за краткости жизни. Это парадокс. Но из-за этого парадокса даже бытовая жизнь у нас тяжелая. Мы кусаемся, убиваем друг друга, и все в повседневном круговороте. Это мелочи, конечно, но о большем я умолчу пока. Вы и так расстроены до потери лица своего. Кое-что мы восстановили, сохранились отрывки знаний, некоторые книги и записи. Но то, что работало у вас, в новых земных условиях оказалось неприменимо. Я уже не говорю о религии, метафизике, искусстве, литературе – все это и запрещено, и забыто. У этих новых людей нет верхних этажей души.

– А как вы? – спросил Валентин, переходя в какую-то тихую истерику, не знаемую им ранее.

– Законный вопрос, друг мой. – Вагилид хохотнул и похлопал Валентина по руке. – Среди них стали возникать, как поганые грибы, мы. Те, кто может духовно познать то, что могли познать вы, древние. Нас на всей земле горстка, всего несколько. Нас ненавидят и уничтожают. За то, что мы другие, даже за то, что мы живем дольше их. При одном упоминании о нас правители их стран воют, глядя на небо. Мы прячемся в подземельях. Но в этой стране, куда вы попали, у меня есть покровители. Из своих тайных соображений. Я к тому же один в этой стране, хотя она одна из самых больших по территории. Земля по-прежнему трясется, везде провалы, огонь, лава, но, конечно, не в такой степени, как при Конце. Население маленькое, и стран мало, ибо немного земли пригодно для жизни.

– Что делать? – тупо спросил Валентин.

– Это вы скоро узнаете, – несколько зловеще, но с доброй улыбкой ответил Вагилид. – Они и мы – не святой остаток человечества. Причем это мягко сказано. Но не думайте, что все однозначно. Началась новая человеческая реальность. Я дал только общую картину. Но внутри ее – тайное течение, невесть откуда взявшиеся необычные личности, иная направленность магии и так далее.

– Хорошо. Я понял и верю вам, но что произошло за эти тысячелетия от XXI века до Конца?

– Многого хотите. Связь утеряна, сохранилось лишь кое-что.

Вагилид вдруг наклонился к Валентину, и лицо его, человека после Конца, озарила добрая, радушная улыбка.

– О вашем времени расскажу немного и покажу потом кое-какие сохранившиеся чудом тексттики. К середине XX века, очаровательный вы мой Валентин, человечество необычайно потупело. В цивилизации, которая задавала тон, большинство людей почти полностью потеряло реальное представление о том, каков мир, где они живут. Они сочли, что физический мир – единственная реальность и ничего другого не существует. В то время как в действительности они были окружены многочисленными параллельными и, наконец, высшими мирами. Они тупо и свято доверяли так называемому научному мировоззрению, тоталитарному и нелепому, которое возвело данные своих частных наук до уровня всей реальности в целом, включая ее духовную сторону. К конкретной науке это не имело отношения...

Отчужденное, суховатое, словно забытое и Богом и Дьяволом, лицо Вагилида исказилось почти детским смехом.

– История вашего периода комична до какого-то кукольного трагизма. Летали на Луну, к планетам и находили только мертвую пустыню. Короче, искали не в том направлении. А жадность, злоба и стремление к господству над другими – этому и вампиры могли бы позавидовать. Бесконечные войны, бессмысленные «высокие технологии», но жадность и поклонение деньгам – невероятные. Чернь совершенно отупела от всех политических фикций, иллюзий, ими иногда удачно манипулировали, и особенное воздействие оказывало телевидение, спорт, наркотики, половые извращения, характер работы – эдакий парадоксальный коктейль. Население постепенно стало превращаться в зверороботов. Извините, далеко не все, конечно. Но в целом – идиотическое господство материализма и власть денег. А войны, амбиции? Визгу, шуму сколько, одних атомных бомб сотворили на всю планетную систему! Одни жирели, другие умирали с голоду, одних бомбили, другие торжествовали... Словом, прогрессивное разрушение век за веком.

Валентин пошевелился:

– Да, многие, то есть пусть не многие, сознавали это и в XX, и в XXI веке.

– Ну и ладно, что сознавали.

Вагилид уютно и опять в контрасте с его отрешенным видом потер руки:

– Но вот гораздо меньше людей сознавали самое худшее, что несла эта вульгарная и рациональная цивилизация. А именно: она стала гигантским поставщиком человеческих душ в ад, стала фабрикой ада ничтожных душ и других низших состояний в частности. Религия не могла помочь, ибо ее превратили в карикатуру, опять-таки за немногочисленными исключениями. Убили все духовное и великое. Что могли оборжали, осмеяли, обрызгали мочой, слюнями своего продажного жалкого ума, и все это под вывеской свободы.

Валентин развел руками:

– Насчет ада я как-то не думал. Боялся смотреть вглубь, наверное.

Вагилид одобрил темное признание.

– Хорошо, хорошо, но чем это кончилось?

Вагилид хохотнул несколько гробовым хохотом, но его хохот был более искренен, чем ожидал Валентин.

– Уж не думаете ли вы, что концом света? Хо-хо-хо... Что вы, что вы? Возможности зла и всего цикла вообще еще не были исчерпаны. Трудно же принять, мой друг из далеких доисторических времен, толстопузых или долговязых монстров, управлявших вашим миром, за серьезных богоборцев. Кишка тонка. Чтобы бросить вызов Богочеловеку, нужен все-таки другой уровень. Конечно, они пыжились, но до нормальных сатанистов не дотягивали. Эдакие недосатанисты.

Валентин хихикнул.

– А прыть у некоторых, я имею в виду не самых главных, тоже резвая. Замораживали себя, к примеру, до лучших времен... Даже не в состоянии были сообразить, на что они себя обрекают...

– Чем кончилось? – в упор спросил Валентин.

– Глобальными катастрофами, наводнениями, землетрясениями, затоплением целых стран, переселениями и т. д. – как полагается. При смене цивилизации. Эта цивилизация была обречена, потому что в основе ее лежала человеческая тупость и жадность. Решающую роль сыграли не катастрофы, а изменение сознания людей. Занавес, отделяющий этот мир от других, стал чуть-чуть приподниматься. В общем, истинное положение вещей частично восстановилось на примере конкретных явлений – были серьезные прозрения, прорывы. Когда люди увидели все это, материализм, это змеиное чудовище, губившее людей много веков, рухнул, как карточный домик, и больше никогда не возвращался. Эти изменения происходили постепенно, в течение нескольких столетий, и приблизительно в середине третьего тысячелетия возникла новая, уже иная цивилизация, мало общего имеющая с прежней, гармоничная и человеческая. Со временем человечество избавилось и от всех этих технологий, засилья всяких машин и прочего. Почти все эти игрушки были выброшены, как ненужные, бессмысленные и мешающие жизни на земле. Но кое-что оставили...

И вдруг появилась девушка. Она вышла из-за кустов, из-за вампирических деревьев – немного пухленькая, нормального по стандартам доисторического человечества роста, в синем платье. Волосы – золотистые, лицо – белое, чуть-чуть смуглое, а глаза – глаза были черные, сверкающие темным огнем. Вагилид приветствовал ее движением руки.

Валентин замер. Девушка – после конца света.

– Моя дочь, – с теплотой произнес Вагилид. – Единственная. Зовут ее Танира.

– Танира приветствует пришельца, – ясно сказала она на русском языке.

Валентин разрыдался.

– Я ничего не понимаю, – сквозь слезы сказал он. – Я слышу русскую речь после конца света, как это возможно?!?!

– Валентин, – на этот раз мягко ответил Вагилид, – моя дочь познавала этот язык вместе со мной. У нас были возможности и желание. Как – зачем вам знать?

– У нас была практика, еще до этих пришельцев, – сказала Танира, показав рукой в сторону дома. По лицу пробежала неведомая улыбка.

– Ладно. Но при таких катастрофах, глобальных переменах что стало с Россией после этого? Ответьте? – почти выкрикнул Валентин.

– Россия осталась, вошла в эту нынешнюю цивилизацию. Изменения, конечно, были, – удивился почему-то Вагилид. – Многие страны остались: Китай, Индия, Латинская Америка, к примеру.

– И что... что... дальше... дальше?! – пробормотал Валентин.

– Та цивилизация XX века хвасталась своим интеллектуализмом, – вдруг неожиданно проговорила Танира. – Но это был интеллектуализм крыс. Новая цивилизация создавалась на совсем другой основе.

Валентина передернуло от слова «крыс».

– Мой друг, – начал Вагилид, хотя лицо его не очень выражало какую-либо дружбу, – дальше опять падение, хаос, взлет и потом опять... Боги снова стали посещать землю, как в самые древнейшие времена. Это было и хорошо, и опасно. Самый ужасающий период наступил, когда демонам удалось прорваться в физический мир. Это было жуткое уничтожение. Они прекрасно владели тонкой субстанцией и энергиями, могли принимать любой нейтральный облик и были неуязвимы. Спасла только Высшая Воля.

– И это не конец?

– Нет, нет, – глаза Таниры, в этот момент сверкнули, – в какой-то мере это был праздник, сохранилось мало сведений о тех временах, и то они засекречены, но конец наступил позднее, и перед этим было воистину космологически-духовное столкновение. Одна сила, контрспасения, хотела превратить земную жизнь в вечную, она владела тайной физического бессмертия.

– Антихрист, – проговорил Валентин.

– Может быть. Эта сила возжелала быть мощной и по духу, и по плоти. По плоти особенно. Их символ был: «Плоть есть Слово».

– Страшные и великие слова, – глаза Таниры засветились...

«Жаждой бессмертия», – подумал Валентин.

– Другая сила – хотела движения человека в высшие миры, в безграничность, в пространство Духа, но такое возможно только через разрушение этого застывшего мира и переход в новое состояние. Непримируемое столкновение... Видимо, произошел раскол рода человеческого. Это был финал, определились и живые, и мертвые; занавес опустился. Конкретных фактов мало известно об этом. Но вдруг вопреки всему, вопреки разуму на пепелище появились мы. И мы тоже хотим всего... всего, – пальцы Таниры сжались.

«Она прекрасна», – ужаснулся Валентин.

– Дочь моя имеет в виду избранных, совсем немногих, – поправил Вагилид.

– Но и остальные зачем-то появились, – упрямо сказала Танира.

– Что делать... что делать!!! – опять чуть не закричал Валентин.

– Нельзя сопротивляться фактам. Вы здесь и теперь с нами, – произнесла Танира.

Она встала и застыла у дерева. Вдалеке послышались какие-то разрывы. Жутковатый грохот где-то там.

Танира вздрогнула.

– Это обычно, – заключил Вагилид.

Глава 5

Вагилид и Танира исчезли во тьме. Валентину показалось, что Танира помахала ему рукой. Это почему-то показалось ему странным.

В доме уже все спали. Не сознавая, как течет здесь время, Уваров лег спать. Среди ночи он слышал, как Сергей кричал во сне.

Утро оказалось хмурым. Сергей расспрашивал о встрече с Вагилидом и кивал головой:

– Он нам сочувствует, но он здесь не хозяин.

И вдруг во дворе дикий, черный рев. Потаповы побелели:

– Это за нами приехали, и раньше, чем ждали.

– Что значит «за нами приехали»? – встрепнулся Валентин. Но в дом уже входили вооруженные роботомолодчики. Они решительно отделили Валентина от остальных и ткнули его в сторону. Троиш Потаповых же и Сергея взяли с собой.

– К ночи привезут, – успел шепнуть Уварову Сергей.

...Всех четырех «пришельцев» затолкали в машину, и она понеслась к восходящим на горизонте тучам.

Фургон был закрыт, и «пришельцы» ничего не видели, кроме тьмы. Из кабины доносился только хохот роботомолодчиков.

Между тем везли их в Рипан, столицу этой страны, Ауфири.

Когда въехали в город, «пришельцы» слышали только то зловещий вой, то патологически радостный крик – видимо, с улиц или откуда-то с высоты.

Наконец машина остановилась. Они оказались в зоопарке. Вокруг по аллее стояли на подмостках безжизненно-стальные огромные клетки для зверей. На аллее – прохожие, в стороне – тьма деревьев.

В клетках лежали причудливые животные, но главное, по всей аллее стояла predetermined и невыразимая тишина. Ни звука, ни рева зверя, ни тоски его, ни лая.

Звери казались задавленными всем бредом этого мира, его отравой. Огромный лев спал, как забитая собачонка, в углу клетки. Да и не лев-то это был в нашем понимании.

В дальней клетке ходила взад и вперед гигантская птица с головой собаки. Зато большинство клеток были заполнены крысами разного вида, и размера, и цвета – одна чернее другой. Некоторые были пугающе огромными, величиной с добрую собаку.

Чувствовалось, что только крысам вольготно в этом мире. Остальным зверям и дышать тяжело.

– Ну, опять повторяется, который раз, – прошептал Потапов.

Их загнали в клетку, бросили корм.

Около клетки быстро стала собираться толпа. На самой клетке было что-то написано крупными буквами, и слова выделены красной чертой.

В клетке они сидели на полу: Потаповы в кружок, рядом Сергей.

– Дашенька, дочка, – тихо говорила Полина Васильевна, – главное – не смотри им в глаза, вообще не гляди на них, как будто их нет, и читай про себя молитву.

В толпе тем временем нарастал гогот, словно исходящий не из горла, а из хобота, но гоготали люди, напрягаясь и поднимая вверх головы. В гогот врывался порой дикий, полуужасный визг, обращенный в пустоту, и все это медленно нарастало.

– Читаем молитву, не смотреть им в глаза и не слушать, – повторила Полина Васильевна. – Читаем молитву Господу нашему Иисусу Христу, отдавшему земную свою жизнь во имя нашего спасения. А теперь – Царю Небесному Святому Духу, он здесь, он рядом, и просим его защиты и здесь, и везде...

– Что вы плачете, Сергей? – спросила Полина Васильевна. – Стоять надо в вере, и все. Радоваться надо, что Бог с нами, а не с ними. Вспоминайте мучеников.

– Нас не мучают, здесь иное, здесь хуже, – прошептал Сергей.

Даша сидела, закрыв глаза. Вскоре в толпе стало твориться что-то немыслимое. Сначала возник крик, похоже, какая-то речь. Потом ее перекрыл женский вопль, и тогда все разрешилось. Кто-то рвался в клетку «пришельцев», грозился, выл, рычал что-то несусветное. Большинство то грозило кулаками в сторону клетки, то внезапно прыгало из стороны в сторону, при этом нередко сшибая друг друга. Кто-то прыгал достаточно высоко и с вышины плевался. Некоторые тут же, рядом, совокуплялись, визжа и хрюкая.

Между совокупляющимися рыскали дети, злобно щипая кого попало, но особенно женщин.

К клетке подошел совершенно дикий, даже для этой публики, человек. Прильнул к решетке, пролез руками внутрь клетки и стал агрессивно выть, но так надрывно и истошно, что очнулись звери в соседних клетках и тоже стали выть так, словно они на Луне, но визг совокупляющихся, вой неприятной злобы перекрывал иногда идиотический хохот. На секунды становилось тихо, все замирало, словно готовилось к смерти.

Единственное, что запрещалось, – приносить ножи, любое оружие, камни и тому подобное, иначе от зоопарка ничего бы не осталось. Людей перед входом бдительно осматривали, даже дергали за странные места.

Тем временем Потаповы и Сергей закончили молиться. Сергей знал, что лучше не смотреть в глаза этих людей будущего – это было бы жутким, последним наказанием, ибо во многих этих глазах было столько необъяснимой ненависти такой концентрации и напряженности, что он невольно холодел всем телом.

После молитв решили покушать. Разложили нечто, что дали, и стали есть потихоньку. Это вызвало у толпы дикий хохот. Казалось, реакция, движения толпы были совершенно неадекватны.

– Что смешного в том, что мы едим? – спросила наконец Дашенька у родителей. Те только пожимали плечами.

Безобразие в толпе не утихало, принимая все более уникальные формы. Стражи порядка стояли в стороне и равнодушно позевывали.

– Сережа, ты бы нам хоть почитал прекрасные стихи. Много наизусть знаешь, сынок! – заметил Иван Алексеевич.

– Сядем поближе друг к другу, чтоб не слышно им было, а то от них всего ожидать можно. Разорвут еще клетку, – проговорила Полина Васильевна.

И Томилин стал читать вразброс Пушкина, Гумилева, Блока, Есенина... Стихи лились, и воздействие их настолько очаровало сидящих в клетке, что они позабыли, где находятся. Это было опасно.

Неожиданно Дашенька попросила:

– А вы спойте что-нибудь, Сергей.

Сергей, тронутый просьбой Даши, взял и запел, и довольно громко.

Он абсолютно не отдавал себе отчета в том, где находится. Тем более, Даша попросила. Да и старшие Потаповы оцепенели от такой песни.

– Да не пойте такую песню тут, – опомнилась Полина Васильевна. – С ума сойдешь! Душа не выдержит.

Между тем они не заметили, что это пение, эти звуки оказали странное воздействие на толпу, к которой, кстати, подсоединялся прибывающий народ. Толпа замерла, затихла, вслушиваясь, и вдруг волна нечеловеческой безумной ненависти захлестнула ее.

Люди бросались на клетку, рвались, грызли ее зубами, визжали, как будто их поджаривали.

Потапов прошептал:

– Нельзя петь! Ведь и молитву, и стихи мы читали шепотом!

Стражи порядка яростно расталкивали людей, колотя увесистыми дубинками с шипами. Главный охранник, который вез «пришельцев» сюда, подскочил наконец к клетке и жестами показал, что петь нельзя.

Ошеломленный Сергей и так прекратил пение.

– Однако какие они чуткие, – пробормотал он, обращаясь к Даше. – Такие дикие, страшные и все-таки вибрируют.

– Задело их это до крайности, – мрачно вымолвил Потапов. – Ишь как все чувствуют...

– Чувствуют, что их гибель в красоте небесной, – прошептала Даша. – Такие стихи для них яд.

– Звуки-то, интонации они чувствуют! – добавил Сергей.

– Да они и слова чувствуют, и душа ранена этим. Вагилид говорил, что у них в глубине психики есть некая особенность... тонкость такая, которая тут же вибрирует на все необычное, великое, но враждебное им. И тогда они впадают в ярость. Вагилид говорил мне, что поэзия здесь была запрещена, о ней давно забыли, но маленький намек на ее существование тем не менее карается.

Понемногу толпа редела. Пробежит какой-нибудь мальчуган, почешется, укусит прутья решетки – и был таков. Где-то вдали кричала большая птица...

Наконец появилось нечто новое: группа людей, не похожих на предыдущих, холеные, толстые, с глазами мертвых рыб.

«Этих ничем не проймешь, – подумал Томилин. – Читай стихи при них или молись – их ничто не коснется, ничто не сдвинется».

Люди эти молча и тупо, недвижно смотрели на «пришельцев», как в пустоту, и почему-то все время жевали. Полина Васильевна прошепчет молитву, а они жуют.

Так, в неподвижности, прошло минут 20 по старому времени.

Сергей не заметил, как они ушли. А ушли они важно и без единой эмоции.

Томилин нетерпеливо ждал конца этого представления. И вот под самый конец у решетки возникли другие. Сергей сразу узнал их по описанию Вагилида. Это были те, которые считали, что они не существуют.

Пришли они гуськом и разом стали безучастно смотреть на «пришельцев». Глаза их на худых лицах были наполнены прозрачной пустотой. Глядя в них, можно было в сущности видеть, что происходит за спиной этих «несуществующих».

Глаза эта смотрелись как коридоры, ведущие в никуда.

Люди стояли тихо и незаметно, и была это не тишина тупости, как у предыдущих, важных, а тишина полного отсутствия.

Потаповы так и застыли, на них глядячи.

Странно, что посетители, но особенно охранники, относились к ним с уважением. «Ишь, не существуют», – говорил взгляд каждого охранника, направленный на этих людей.

Даша вздохнула, несуществующих не стало.

Зашевелилась охрана, подгоняя домой посетителей. Когда опустело, как на каком-то бредовом кладбище после гулянки, открылись двери клетки, и добродушно, но с кнутом в руках охранники загнали «пришельцев» из России в машину, и вскоре, уже ночью, они вернулись к себе.

Не было никаких объяснений. Пока Потаповы и Сергей страдали в зоопарке, Валентин оставался дома один. Ему сразу стало не по себе: один, после конца света, в чужом, в сущности, доме. Кругом ничего, кроме страха. Но он постарался подавить тревогу, не мучить себя кошмаром реальности.

Понемногу он успокоился, отпил у Потаповой в кухне какого-то сладенького напитка и задремал в подобии кресла.

«Везде можно жить», – заключил он. Но сон его был чуток.

Разбудила его крыса, просто своим присутствием. Она немного приподнялась на задних лапках и смотрела в сторону от Уварова на потолок, словно потолок был небом. Крыса, тяжелая на взгляд, огромная, поставила передние лапки на пол и замерла. Уваров поразился ее некоторой отрешенности от крысиной сути, точно она уже была не она, не совсем крыса.

Сердце его билось, и он знал, что тело его хочет жить. И вдруг крыса, как-то извращенно повернувшись и изогнув голову, впилась сама в себя, точнее, в свой живот. Зубы у нее оказались острыми, точно уже побывали в аду, и сразу же брызнула кровь, кровь крысы конца времен (или после конца, как угодно). Крыса пожирала сама себя. Она была жирная, аппетитная и беспощадная.

Валентин замер в своем кресле. «Нет никаких объяснений, – подумал он. – Этот мир вне любых понятий». Крыса пищала, но жрала. А потом вдруг изогнулась и побежала вон из дома, оставляя кровавый след. Откуда-то выскочившие крысы понеслись за ней. И тут Валентин окончательно оцепенел, он увидел, что в углу комнаты, у окна, сидит на корточках молодая девушка с распущенными длинными волосами и пристально смотрит в направлении убежав-

шей крысы, на кровь ее и куски тела на полу. Уваров решил, что с него хватит, и закрыл глаза. Но этот уход во мрак продолжался, может быть, несколько секунд.

Девушка подскочила и дотронулась до его лба рукой.

Валентин закричал. Кто она? Ведьма этих времен? Или любовница Вагилида? Но перед ним было лицо человека, его, Валентина, эпохи – знакомые черты, движения...

Девушка отпрянула и заговорила на русском языке:

– Не правда ли, добрый друг, картина из рая, та, которую вы видели... кровь, крыса... и, знаете, кто-то хохотал в углу. Не слышали? – И девушка стала танцевать. Танцую, она беспрерывно говорила: – В раю так обожают танцы... Вы знаете, я считаю, что мир, в какой мы попали, – чистый рай... Да, да, не возражайте... Кстати, вы откуда? Из Москвы? А я из Питера... Только не бойтесь меня... Я вижу, вы меня боитесь... Почему? Мы же в раю и всегда там были... Смотрите, как я танцую... Не хуже ангелов... Здесь все жители, если взглядеться, ангелы... Не смейтесь... Я не сумасшедшая...

Но Валентин и не думал смеяться. Он вообще ни о чем не думал уже. Просто смотрел на танцующую девушку, и ему вдруг показалось, что он действительно в раю. Петербург, русская девушка, XX век, звуки родной речи. Но не только, не только... Валентину показалось, что еще один миг, скажи эта девушка что-нибудь такое... – и все будет кончено, он сойдет с ума. Валентин испугался, он чувствовал приближение безумия и усилием воли взял себя в руки. Россия – далеко, и кто эта девушка, в самом деле?

А она продолжала танцевать, парить легко и непринужденно, точно она могла улететь, свободно двигаясь по колесу времени.

А она не умолкала:

– Приходите ко мне пить чай... Вы хотели бы жить на небесах?.. Эта крыса, что съела себя, думаю, сейчас тоже на небе... Духовном, конечно... Неглупый способ, правда, съесть самого себя?.. Вы не ищете такой путь? Напрасно... Крыса умнее нас, – и она запела, медленно кружась по комнате.

Валентин более или менее пришел в себя.

«Лишь бы не удавила», – мелькнуло в уме. Он спросил:

– А как вас зовут все-таки?

Девушка остановилась.

– Юлей, Юлечкой, – нежно добавила она.

– Юля, вы слышали когда-нибудь о сдвигах во времени? О возможности оказаться в прошлом или в будущем?

– Слышать не хочу. Не знаю.

И Юля присела на ближний к ней стул.

– А какую школу вы кончали, институт?

Юлия резко захохотала, так что Валентин опять стал нервничать. Смех ее показался ему хохотом эдакой лунной ведьмы.

– Что вы там бредите? – спросила она. – Какая школа, какой институт? Вы видели когда-нибудь здесь школу?.. Я и так вижу свой разум... Ха-ха-ха! А как вы считаете? – и она подпрыгнула к Валентину, заглянув в его глаза, точно в колодец. – Как вы думаете, этот мир, где мы находимся, вполне разумен? Или нет?.. Молчите, – она округлила глаза. – А я уверена, этот мир в высшей степени разумен... Здесь кроме разума, собственно, ничего и нет... Деревья – полувампиры, черная луна, короткая жизнь, сексуальная истерия, бесы, двойники, самоканнибализм... Разве это не разумно?.. Да, да, – девушка отбежала в угол комнаты, – мой разум бежит от этого, он в ужасе... Так ему и надо. Пусть он познает собственный ужас! – И она опять стала кружиться, странная, как потерявший себя ангел. – А для другого разума, не моего, все это нормально... Знаете... да, как вас зовут?

– Валентин.

– Валентин, вы знаете, если мы доживем до земного рая, то мы будем питаться запахом цветов... Понюхали и напились, набрались энергии... Никаких мерзких органов выделения... Иное тело... Вы хотели бы так жить?.. Все будут такие нежные друг с другом... У меня было так в детстве, я была в детском лагере летнего отдыха, под Новгородом... И там почему-то все мальчики, девочки относились друг к другу так искренне, нежно и ласково, как будто в раю... Это было чудо какое-то, ангелы, наверное, нам послали... Я, наверное, вовек не забуду это время...

Валентин в смятении посмотрел на нее: «Она умница, она говорит нормально, – думал он, глядя на нее, – но что такое опять?»

Глаза девушки потемнели и стали еще красивей. Она снова приблизилась к Валентину.

– Но Бог лишил нас этого... И мне осталось только петь и парить... И хохотать... Нет, нет, я никогда не буду пожирать себя... Хотя некоторые просят меня об этом... Должна вам сказать, Валя, дорогой мой, что я научилась разговаривать с чертями... Здесь это неизбежно... Никуда от них не денешься. Когда во мне слабеет жизнь, они тут как тут... Но, признаюсь, общий язык с ними трудно найти... Я вам не мешаю?! Я уйду... Наслаждайтесь вместе с вампирами... Здесь все пожирают друг друга, и себя в том числе. И тот разум это принимает... Мой поцелуй ему...

И она исчезла. Валентин остался, думая, что он умер.

После мысль о том, что он умер, прошла. Он встал, вышел в сад. Было тепло.

– А вообще непонятно, что здесь: лето или зима, ночь или день. Днем темно от бесконечных темных облаков, а дождя нет. Ночью светлее, чем днем... Где я, кто я теперь?

Когда послышался шум, сердце дернулось от радости. «Вернулись»... Он сразу же спросил о Юле. Потаповы даже рты разинули: «Неужели она пришла? Должны были вернуть дней через 20».

– Кто она такая? – спросил Валентин у Томилина, когда ложились спать.

– Безумная, – был ответ. – Живет в саду, в маленьком домике, недалеко отсюда, одна.

Глава 6

Через два дня явилась Танира. Красивая, но совсем из другого ряда человеческого. Не такая, как все «они», но в то же время из «них», родившаяся после конца мира. Глаза как черные звезды. Блестят светом жизни и смерти. Губы слегка дрожат от какого-то внутреннего состояния. Она довольно бесцеремонно отозвала Валентина в сторону.

– За вами пришла машина, – сказала она. – Поедем в город, в столицу, в Рипан. Я буду вас сопровождать и переводить на русский, когда необходимо. Валентин, не волнуйтесь, ваша безопасность гарантирована. И моя – тоже. Как – это не ваше дело.

– Для чего, зачем?

– Молчите и все. Увидите.

И они медленно поехали мимо печальных холмов, на которых массами совокуплялись голые люди. Какие-то шумнокрылатые существа проносились над ними и каркали. Потом опять пустынно – ни кроликов, ни вампиров, ни людей. Танира молчала. Охранники полуспали. Валентин глядел и глядел в окно, надеясь увидеть хоть что-нибудь родное. Напрасно. Впереди слева показались здания окраины огромного города. Машина стремительно въезжала в него. Валентин отшатнулся. Здания походили на небольшие горы с норами, ведущими вглубь, где, видимо, и располагались квартиры. Где окна, где двери, Валентину трудно было распознать. Он заметил улыбку на губах Таниры.

– Удивляетесь, – тихо сказала она, – у вас тысячелетия назад было все по-другому.

– Танира, я еще не могу прийти в себя. Дайте мне точку опоры, чтобы мой разум не покинул меня.

– Точка опоры во мне. Смотрите на меня, и вы не погрузитесь в черное безумие, не сойдете с ума... Избегайте смотреть в окно, – вдруг тревожно проговорила она...

Какая-то сила удержала Валентина от того, чтобы взглянуть. Мельком он увидел только тень, возможно какого-то животного. Все исчезло, они продолжали двигаться во тьму по городу, потом вдруг – свет. Валентин увидел людей, бегущих неизвестно куда. Он спросил Таниру:

– Что это, куда они бегут?

Она ничего не ответила. Они продолжали ехать мимо домов все медленней и медленней. Валентин увидел дом странной формы, кругловатый.

Танира сказала:

– Это Дом первого безумия.

– Что это такое? – спросил Валентин.

Она не ответила. Немного спустя – другой дом тоже странной формы. Она проговорила:

– Это Дом второго безумия.

Валентин спросил:

– Что значит безумие: болезнь, сумасшествие?

– Нет, нет! – она покачала головой.

Все дальше и дальше, и потом машина почти совсем остановилась. Они въезжали на площадь. Валентин услышал некий гул, странный гул живых голосов. Наконец машина остановилась, и Валентин понял: площадь была покрыта морем людей. Кто-то сидел, кто-то стоял, кто-то двигался, и все это море выло, выло нечеловеческими голосами – теми странными голосами, которыми владело это человечество. Они выжили, и Валентин думал: что это? Молитва, или это просто вой отчаяния, или это вой безумия, вой дикой радости – было непонятно, какой оттенок во всем этом. Он стал вслушиваться. Танира молчала, ее лицо стало сухим и несколько жестким, она тоже глядела в окно, Валентину показалось, что этот вой не говорит об отчаянии и не говорит о радости, он говорит о чем-то другом, каком-то неведомом чувстве, которое доисторическому человечеству не было известно. Он опять взглянул на Таниру, и ему показалось, что вот-вот еще минута, еще секунда, и она сама завоет. Танира повернулась лицом внутрь машины, что-то сказала по-своему, и машина медленно двинулась прочь. Они выехали за пределы площади.

– Скоро мы подъедем, – сказала Танира.

– Куда же мы едем, в конце концов, Танира, скажи! – Валентин посмотрел прямо в ее глаза. Танира улыбнулась:

– Ничего страшного. Мы едем помочь одному очень важному человеку, и ты можешь это сделать. Вот так.

Наконец они остановились. Тихая улица, особняк. Дом такой формы, которая напонила Валентину о его времени. Они вышли из машины, прошли угрюмую, ничего не выражающую ни жестом, ни лицом охрану, прошли внутрь мимо пустынного двора и наконец попали в дом. Около дома было еще несколько непонятных строений. Сам дом оказался довольно большим, вытянутым в глубь сада. Они остановились в вестибюле этого дома, если это можно назвать вестибюлем, скорее зал, где никого не было.

Наконец навстречу вышел человек, одетый в черное. Он повел Таниру, и они скрылись в маленькой комнате. Валентин оказался один вместе с вошедшим охранником. Наконец Танира вышла и сказала Валентину:

– Пойдем на второй этаж, охранник остается здесь, пойдем вместе с этим человеком.

И она указала на того, с кем вошла в маленькую комнату. Этот человек в черном сопровождал их на второй этаж. В коридоре был диван, все показалось Валентину каким-то нормальным. Они уединились, а человек в черном отошел в сторону по знаку Таниры, и она, обернувшись к Валентину, сказала:

– Теперь я расскажу, слушай внимательно. Этот человек, его зовут Тувий, очень важная персона, но он при смерти, он болен, и вылечить его очень трудно, но кое-что помогает, и знаешь что? Как ты думаешь?

Валентин оторопело посмотрел:

– Я не сведущ в медицине, тем более в медицине после конца света.

Танира улыбнулась:

– Кое-что помогает, но в частности, как ни странно, ему помогают звуки вашей речи. В его душе что-то меняется тогда.

– Нашей речи?

– Да-да! Русской речи, той, на которой говоришь ты и на которой умею говорить я благодаря моему отцу, великому жрецу и ученому.

Валентин развел руками:

– Каким образом?

– Сначала я случайно по какому-то наитию вдруг стала при нем говорить по-русски, вернее, читать ему. Я помню наизусть ваши стихи. И вдруг он повернулся ко мне, лежа в постели, и лицо его изменилось. Точно какая-то сфера покоя объяла его. Он улыбнулся. Этот человек никогда не улыбался вообще. Он улыбнулся и сказал мне: «Откуда эти звуки?»

Я объяснила ему. Все это было довольно рискованно, потому что есть закон, по которому чтение поэзии карается смертью. Но это старый закон. Он возник сразу, когда мы, вернее, наш народ зарождался. Сейчас этот закон не применяется, потому что никто не знает, что такое поэзия. Все забыли об этом. Но Тувий сказал: «Смотри, Танира, мы, конечно, над законом, мы элита, но то, что ты произнесла, – это преступление, но такое преступление очень помогает мне. Читай». И я стала читать. На что я обратила внимание? Я обратила внимание вот на что...

Валентин прервал ее:

– Ну хорошо, я-то при чем, ты же знаешь наш язык и можешь сама читать ему стихи по-русски.

Танира покачала головой:

– Да, но все дело, я думаю, в звуке. Мы же говорим не так, как ты. Твои интонации действуют на него еще сильнее. Я думаю, ваш язык обладает каким-то магическим свойством. Понимаешь, когда говоришь ты, – это мелодия, это музыка, это то, что у нас запрещено под страхом смертной казни. Ведь это твой родной язык, язык доисторического человечества. Если ты будешь читать ему стихи, я обещаю что тебя не коснется никакая угроза.

Упоминание об угрозе не подействовало на Валентина устрашающе, он и так часто подумывал о том, что хорошо, если Бог пошлет ему освобождение, но, конечно, не искусственным путем. Он смотрел в сторону и не знал, что сказать.

– Да, я согласен, – наконец выговорил он. – Я согласен. Пойдем. Где он?

Танира не встала, не пошла, она продолжала сидеть.

– И еще я тебе должна сказать. У нас есть религия, но это религия не для черни. Наш народ вообще не знает, что такое религия, и не думает об этом. Он знает, что есть невидимый мир как часть видимого мира, не больше, но есть особая вера, очень странная для вас. Это вера относится только, ну как тебе сказать, к тем, кто у власти, но среднего уровня – это вера в Понятного.

– То есть как, – спросил Валентин, – в какого Понятного?

– Очень просто, – в понятного им Бога. Может быть, это не Бог в их сознании, но Некто. Пусть он Некто, и вот этот Некто – Понятный, и они молятся Понятному.

Валентин проговорил:

– Я не знаю. Мне нечего сказать. Я растерян.

Танира продолжала:

– Но есть вера в Непонятного. Эта вера касается только избранных, иногда верхов, тех, кто правит. Есть храм Непонятного. И вот Тувий, он представляет очень высокий уровень правления страны, он иногда поклоняется Непонятному, это просто небольшое замечание, чтоб ты знал об этом. Все-таки он умирает, поэтому ты должен немного знать о нашей религии. Хотя, скорее, это вовсе не религия.

Они встали, и Танира медленно пошла по коридору. Валентин пошел за ней. Огромная дверь оказалась перед ними. Деревянная. Массивная. На дверях – лица странных существ. Охранник открыл дверь. Они вошли в почти круглую комнату. В глубине – кровать, на кровати Валентин увидел маленького человека. Собственно, видна была только его голова, голова, которая виднелась из-под одеяла, тело же под одеялом странно двигалось. Он был маленький, впрочем, как и большинство этих людей.

Голова этого человека показалась Валентину не только маленькой, но и какой-то синенькой, похожей на какой-то неопиcуемый овощ, выросший где-то на другой планете, тем не менее это была голова: глаза блестели, рот был раскрыт и вел в черную бездну.

Танира сказала что-то по-своему. Он сделал жест рукой, и Танира указала Валентину на стул рядом с постелью, сама придвинула другой стул, такой же легкий, и села около Валентина. Она сказала ему:

– Ты помнишь, конечно, свои стихи, стихи твоего народа. Если даже не помнишь, просто говори, говори что хочешь. Главное, говори своим языком, ты слышишь?

Валентин, оцепеневши, молчал, и потом она бросила взгляд на Тувия, который лежал неподвижно, и взгляд его был устремлен прямо на Валентина. Он не сводил с него глаз, глаза были недвижимы, как смерть. Тогда Валентин собрался с духом и стал читать стихи, те, что приходили в голову. Он начал с Пушкина, потом вдруг Тютчев, Есенин, Блок, Лермонтов. Он помнил наизусть по крайней мере пятнадцать-двадцать стихотворений, но его настигло смятение. Он переходил от одного четверостишия к другому, читал какие-то отрывки, тем не менее произносил их с душой, вкладывая в эти звуки себя так, как будто бы он читал это там, далеко, тысячелетие назад в каком-нибудь кругу любимых им людей. Танира улыбалась, она была довольна, и глаза ее, обычно темные, залились каким-то чуть-чуть нежным светом. Звуки русской речи лились и лились. Валентин уже произносил не стихи, а говорил что-то отрывочное, как в сновидении, лишь бы сказать.

Глаза Тувия посветлели, но бездна, которая была выражена на его лице, не сходила, и постепенно в эту бездну падал какой-то покой, падало то, чего не было и не могло быть в этом мире. Его тело стало немного вибрировать, чуть-чуть дрожать, но это была дрожь успокоения, даже какого-то легкого наслаждения.

Наконец рот закрылся, он улыбнулся, сказал:

– Хватит, – и обратился к Танире на своем языке: – Танира! Это напомнило мне о Непонятном, но мне стало легче. Этот пришелец нужен мне. Мы договоримся с тобой, когда его привозить. Я скоро умру, но я хочу, чтобы последние дни мои я слушал эту речь. А теперь идите, меня должны проводить в Храм Непонятного, туда, где мы обращаемся к нему, в тот маленький зал, и никому ни слова, конечно, о том, что делал этот человек. Он – человек...

Танира воскликнула:

– Да, да! Он человек, он пришелец из той страны, из того времени!

– Все может быть, все может быть, потому что мир создал Непонятный, поэтому может быть все, все, абсолютно все, что для нас непостижимо вообще! – Старик прикрикнул при последних словах, рот его, ведущий в черную пропасть, открылся, он задрожал, посмотрел на Валентина и крикнул Танире: – Я не хочу умирать! Вообще не хочу, но пусть он приходит, я хочу слышать звуки эти, хочу слышать, идите! Идите!

Танира резко встала, и они с Валентином вышли из зала.

...На обратном пути машина с Валентином и Танирой остановилась у развилки дорог на окраине. Дикая, огромная стая детей лет двенадцати-четырнадцати, вооруженных в основном железными прутьями, напала на машину. Искаженные злобой лица, уродливые от абстрактной ненависти... Но Танира увеличила скорость, и удалось избежать опасности.

Глава 7

– К Непонятному меня, к Непонятному, – завыл Тувий на следующее утро, как только проснулся.

Его снова отнесли в домашний храм Непонятного. Тувий выл, стоя на коленях. Потом стучал кулаками об пол. Обессиленного, его унесли в постель, и он заснул. Но не совсем, больше дремал, и в уме вдруг опять зазвучал отзвук доисторической русской речи...

– Валентин... Его имя Валентин, – прошептал Тувий.

Вдруг опять... поднялась ярость. Он позвонил.

– Звони Фурзду и попроси его приехать, – приказал вошедшему хромоту человеку.

Фурзд, громадный и толстый, сидел в одном из своих тайных кабинетов в подземном особняке. Он гладил свой живот и думал. Завтра доклад Правителю, самому Террапу. Нужно выбрать то, что вызовет у Правителя судорогу наслаждения. Он изменчив, но есть основа. Пора... пора!

А что точно пора, Фурзд еще не знал. «И даже Танира не знает этого, – подумал он, – главное, не смотреть в зеркало».

Зеркала были запрещены во всей стране, по всей Ауфири. За нарушение – если кто-то хранил зеркало – выжигали глаза. Этот старый закон был принят давно, ибо считалось, что, если человек смотрит на себя в зеркало, он начинает сомневаться в своем существовании. Когда еще зеркала не были запрещены, многие ауфирцы, когда видели свое отражение в зеркале, начали сомневаться, что это они. Они начинали особым образом быть, сомневаясь в своем существовании. Это приближало их к несуществующим, но несколько в другом ключе. Началась настоящая эпидемия несуществования, и поэтому возник запрет на зеркала. Но люди власти сделали исключение для себя, как ауфирцев сильной воли. Им было разрешено, но не рекомендовано.

Фурзд давно не смотрел на себя в зеркало. Правда, когда на днях мельком взглянул, то решил, что видит не себя, а черта. Бесы вообще при определенных условиях мелькали с молниеносной видимостью то там, то сям в доме.

Фурзд не придавал этому глобального значения. Бесы всегда были и будут. Его интересовала власть. Но ради чего? Ради самой власти – скучно. Фурзд не выносил ауфирской черни и ее поклонения. «Их дело – нас выбирать, – говорил он, – согласно закону о выборах, но выбирать кого надо, то есть нас. И при этом обязательно считать, что это она, чернь, управляет страной, а не ею управляют. Свобода прежде всего, – ухмыльнулся он, – но некоторые из нас любят народ». Теперешний Правитель, например. И его любят...» И тут Фурзд захохотал так, что из-за маленькой двери в углу высунулся испуганный прислужник и скрылся.

– Знаем, знаем характер этой причудливой любви... Иго-го! Иго-го! Такого еще не было в этой стране.

Фурзд встал и потянулся. «Надо проверить Дом первого безумия», – решил он. В это время позвонили. Он взял изящную телефонную трубку. Его просили срочно заехать к Тувию.

...Тувий лежал, закрыв глаза.

– Это ты, Фурзд? – тихо спросил он.

– Я рядом, – ответил Фурзд.

Он сидел на стуле и своим неподвижным властным взглядом смотрел на Тувия.

Это почти мертвое лицо открылось Фурзду, и Тувий медленно проговорил:

– Фурзд, ты знаешь, какой я влиятельный человек, какие у меня ключи, но мне плохо, я хочу сказать тебе некоторые вещи, слушай меня.

– Я слушаю внимательно, я весь готов слушать тебя.

Тувий повернулся к нему всем своим телом, всем своим существом.

Фурзд напрягся и впился взглядом в лицо Тувия. Тувий продолжал:

– Танира приводила ко мне пришельца. Он читал стихи.

Фурзд откинулся:

– Стихи?

– Да, да, стихи, поэзию. Ты знаешь, что это такое?

– Я знаю, что за это полагается смертная казнь, но к нам это не относится. Продолжай, Тувий.

– Так вот он, этот пришелец, говорил на своем языке, и, знаешь, Фурзд, мне стало легче.

В их языке что-то заключено, чего нет у нас, и не только у нас.

– В каком смысле тебе стало легче, Тувий? – спросил Фурзд.

– Мне стало легче на сердце, на душе, вот так.

– И что ты хочешь этим сказать, Тувий?

– Я хочу этим сказать, что от смерти это все равно не спасет, но главное, что я хочу тебе сказать, этот пришелец навел меня на эту мысль окончательно, я хочу сказать, что в нашей стране надо что-то менять.

– Менять? – лицо Фурзда насторожилось, взгляд стал еще более напряженным.

– Да, да, менять. По моим данным, – ты знаешь, мои данные очень верные, – народ на грани: он сумасшествует, он слишком сумасшествует, крайностно, Фурзд, больше, чем надо, он скоро перейдет возможное.

Фурзд вздохнул.

– Наконец, Земля, наша планета, не в порядке, ты знаешь об этом, Фурзд. Но в последнее время она совсем взбесилась. Надо что-то менять. Я не знаю что, но за тобой стоит сила, и ты должен повлиять на нашего Правителя. Но я болен, и я не знаю, что точно надо менять. Но скорее всего надо менять души людей, их сознание, вот что надо менять. Что-то такое очень важное. Да, да, что-то оставить, но что-то менять. Тогда будет легче.

Фурзд с любопытством посмотрел на Тувия и подумал: «Он умирает, а думает о стране. Что с ним?»

Тувий продолжал:

– Фурзд, ты знаешь, конечно, у тебя есть соперник. По силе влияния на Террапа он даже чуть-чуть превосходит тебя. Я имею в виду Зурдана. И я знаю, что Зурдан тоже хочет что-то изменить, но он хочет изменить к лучшему.

– Он хочет к лучшему? – удивился Фурзд.

– Да, да, к лучшему. Он хочет, чтобы наш народ стал страшнее беса, страшнее чертей, и тогда мы перейдем грань, тогда будет что-то качественное, такое глубоко ядовитое.

Лицо Тувия побледнело, и некая тень вошла в него.

Фурзд опять вздохнул:

– Я догадываюсь об этих планах, но, по-моему, я думаю, это слишком. Зурдан жесток, слишком жесток. Все становится слишком в нашей стране.

Тувий посмотрел на него:

– Да, конечно, но ты измени дело к худшему, а не к лучшему. То есть ты смягчи, смягчи людей, смягчи их мозг, смягчи мозг или душу, смягчи, вот что надо сделать!

Тувий терялся в словах.

Фурзд увидел, что он умирает. Он хотел позвонить, но Тувий остановил его.

– Не надо, Фурзд, не надо, да, да, смерть пришла, не надо, я хочу умереть, чтоб ты это видел и чтоб ты все изменил. Дай мне зеркало, оно там. Видишь, потайной ящик открыт, там. – Тувий указал.

Фурзд, подчиняясь воле умирающего, встал, подошел к ящику, взял зеркало, небольшое простое зеркало и отдал его Тувию.

Тувий медленно поднес зеркало к своему лицу, глаза его открылись, и он вскрикнул:

– Ужас! Но это я!

Вдруг в этот момент судорога прошла по его телу, и неземной холод вошел в него, глаза закрылись – он мгновенно ушел, умер.

Фурзд позвонил; вошли врач, слуги, охрана. Фурзд отдал последние приказания, а сам быстро ушел. Все было кончено. Он вернулся опять в свой кабинет и заперся там. Ему нужно было подумать. Подумать о чем? Конечно, о том, что сказал Тувий. Фурзд был готов к этому разговору. Еще до этой последней встречи Тувий неожиданно передал ему пакет, где были коды его команды, шифры, имена и распоряжения о том, что после смерти Тувий отдает Фурзду власть над своими людьми. Значит, Тувий чувствовал что-то заранее.

Фурзд задумался.

Кабинет Фурзда был весьма прост. Стол, стулья, шкафы, сейфы, тайники, кресло, в котором он обычно сидел, но слева у окна был гигантский скелет игуанодона. Фурзд нажал на кнопку, вошла девица времен после конца мира. Он указал ей пальцем на диван:

– Ложись.

Она легла. Облегчив свое тело, Фурзд встал и сказал ей:

– Иди.

Опять сел в кресло и повернул свою голову в сторону игуанодона. Долго и тупо смотрел на скелет, потом вздохнул, как будто он глядел на луну, и вынул бумаги, лежавшие где-то в столе.

По большому счету нужна полная переориентация. Фурзд вспомнил свои беседы с Вагилидом – он брал у него уроки. У него, у Вагилида, которого по своей должности он обязан был уничтожить. Но эти уроки потрясли его. Вагилид рассказывал ему о доисторическом человечестве, о людях, которые знали свет, духовный свет. Фурзд поморщился. «Да, но наше человечество не знает этого света». Вагилид же говорил, что если мы можем как-то, каким-то невероятным способом узнать этот свет, то только познав тьму. Фурзд задумался опять, глаза его то темнели, то светлели, то наливались каким-то окаменелым огнем. Вдруг он вспомнил стих, который ему читал Вагилид:

И мне поведал старый дьявол,
Что есть под адом тьма одна,
И в этой тьме познал я славу,
Страшнее ада та страна.

Фурзд знал значение этих слов. Вагилид перевел их, объяснил многое. Да, действительно, и его ориентиры, как темные кровавые копыя, указывают ему на то, что под адом есть страна, особая страна, и если мы, новое человечество, обречены на ад, то нам нужно и можно про-рваться туда, под ад, в ту страну, о которой Вагилид сказал:

– Там тьма страшнее ада, но это последнее, что возможно, и в этом последнем, в существо, живущее там, может войти свет, и там рождаются монстры, которые наполнены крайним мраком и светом одновременно. Такие там существа, и мы можем стать такими. Это выход для нас, – говорил Вагилид. И Фурзд глубоко запомнил эти слова.

Из магических операций, которые проводились в его стране, он узнал то, о чем говорил Вагилид. Да, да, он верил в то, что под адом есть та страшная спасительная страна, где тьма

перемешана со светом. Откуда дальше вниз уже некуда идти, и поэтому свет падает, неизбежно падает туда, в эту последнюю тьму. Так говорил Вагилид. Фурзд вспоминал его слова, вспоминал какие-то другие моменты, магические действия, в которых он принимал участие. Вот такой должна быть переориентация мировоззрения. Он встал, подошел к скелету игуанодона и лизнул его. Потом прошелся по кругу в своем кабинете, сел на диван, где лежало девять последних донесений. Глаза его опять наполнились окаменевшим гневом. Но как это сделать? Просто знать, что есть такое явление, недостаточно. Надо же идти туда и изменить сознание. Вот что нужно. Но он, Фурзд, бессилён это сделать, и Вагилид тоже. Вагилид говорил, что есть только намеки на эту страну под адом, но намеков недостаточно, чтобы сменить ориентацию мировоззрения всего народа, чтобы знать, как это делать – идти туда, под ад. Фурзд опять встал, подошел к скелету игуанодона, положил свою тяжелую руку на шею чудовищу и посмотрел в окно. Там где-то мелькали зеленые и синие огоньки. «Что делать?» – подумал он. Убедить Террапа, ведь Террап умный человек, он умело балансирует, он хороший правитель, но у него столько слабостей, столько причуд. Фурзд вздохнул. Зурдан. Зурдан ждет своего момента. Скоро, или не так уж скоро, но выборы впереди, две силы будут бороться. Фактически они одинаковы, конечно, – усмехнулся Фурзд, – но качества вождей разные. Борьба будет жестокая, однако Террап, наверное, победит... Он встал, открыл дверь, ведущую в какую-то полутьму, где уже никого не было, там было пусто. Он закрыл дверь и сел опять в кресло.

«Из этой ситуации может быть один только выход: если вдруг среди этого народа, среди этого нормального безумия появится вдруг Мессия, – подумал он, – и он укажет нам путь под ад или какой-нибудь еще путь, который выведет нас из того положения, в котором мы, остатки человечества, оказались». «Нет-нет-нет-нет», – сказал он себе. Фурзд посмотрел на часы: да, скоро ему ехать на стадион, где будет Террап. Это закрытый стадион, не для всех, большой и вместительный, там много разных людей будет. И главное – сам Террап. И он во власти своих лошадок.

Надо знать, чтобы объяснить эту ситуацию, что в этой стране, Ауфирь, выводились маленькие особые лошадки, сексуальные лошадки для использования их с этой целью элитой, избранными, имеющими власть, и народ знал это и относился к этому очень позитивно, одобрительно. Так, мол, и надо, но когда народ узнал, что их правитель любит этих лошадок, что он без ума от них, что он использует их днем и ночью, что он поглощен этими маленькими лошадками, восторгу народа не было конца. Террап действительно обожал этих лошадок, он менял их, ему привозили особей разных мастей. Эти странные сексуальные животные. Покорные практической воле человека, они были смиренны, и Террап поклонялся им! Он устраивал пиры, на которые приглашал, вводил этих лошадок. Они сидели рядом с ним, и народ знал об этом и аплодировал ему, Террап придумал состязание для тех, кто владел такими лошадками. Хозяева должны были садиться на них и скакать по кругу на стадионе. Эти лошадки были выносливы. Да и сами ауфирцы были невысокого роста. И такие соревнования устраивались два-три раза в год. Народ же восторгался своими избранниками. Такова была реальность. Фурзд вздохнул – сам он не пользовался лошадками, не до того ему было. Но необходимо идти на праздник. Сначала будут лошадки, во главе сам Террап. Вероятно, всё устроят так, что он будет победителем. Он со своей лошадкой опередит остальных. Фурзд решил ехать заранее, вышел, взял охрану и двинулся. По мере того как он приближался к стадиону, машину оставляли чаще, потом он услышал гул – стадион был уже наполовину полон. Фурзд быстро прошел в свою ложу. Ложа была пустой, Фурзд был первым. «Что особенного дал Террап этому миру?» – подумал он. Разумеется, лошадок, лошадок, которые сводили с ума некоторых избранных.

Что дало народу в сущности правление Террапа, – продолжал Фурзд. – Первое – бесконечный спорт: прыгуны, скакуны, плевуны... Второе – понятие о стране счастливых каннибалов, связь с ней. Конечно, осуществляются магические операции, узкий круг, это дело весьма

тонкое, рвущееся... И ведь это один из регионов ада. Да, эти существа там счастливы, они вливают в себя человеческую энергию, силу... И они могут жить долго. Но у этого региона одна особенность – там нет религии, и там нет вертикали. Так говорит Вагилид. И когда само существование этого региона заканчивается, а оно не вечно, эти счастливые существа лопаются, как водяные пузыри... И все... Но народу наплевать на отдаленный результат, они хотят насладиться – сейчас, сейчас... И требуют контакта со счастливым адом».

Пока Фурзд раздумывал таким образом, ложа заполнялось. «Пришли даже два делегата из Страны деловых трупов», – заметил Фурзд про себя. Так Вагилид называет эту страну. Они безразличны ко всему, кроме шелеста денег и работы. Они работают как заведенные, как зверороботы, строят, строят, строят, не обращая внимания на то, что земля дрожит, трясется и конец не за горами – а они строят, строят. Я провел там немного времени и чуть не умер от мертвечины...»

Но поток мыслей Фурзда прервал гонг. Начались состязания. Сначала выскочили лошадки со своими мужьями. Выстроились в рядок. Во главе – сам Правитель страны Террап. Лошадки виляли задами и точно слились сексуально со своими хозяевами. Но когда прозвучал гонг, они понеслись. Ладненькие, красивые, толстенные – они не бежали, летели, как женщины, – стремительно и нежно. Лошадка Террапа вся вспотела, не то от бега, не то от присутствия хозяина и мужа – и первая доставила его к финишу.

Стадион встал, толпа неистовствовала, люди кричали, визжали, стонали от радости.

Террап стоял на подмостках и поднял руку вверх как победитель. Лошадка стояла рядом и помахивала хвостом. Потом начались состязания. Сначала прыгунов, потом скакунов и бегунов, затем – плевунов, кто дальше всех плюнет, кто съест больше котлет, кто сильнее дернет себя за нос и так далее до бесконечности. Правительство поддерживало спорт. Фурзду неудобно было уходить, пока не появился Террап. И он появился. Лицо его походило на морду рептилии эдаким внутренним сходством. Губы часто прищепывались, и длинное лицо как-то вытягивалось при разговоре.

Террап подошел к Фурзду. Фурзд встал, они пожали друг другу руки. Террап сразу отошел к другим, а потом вскоре исчез, уехал, покинул народ. «Психология элиты, в сущности, мало чем отличается от психологии народа, – подумал Фурзд, – за исключением нескольких человек». Воспользовавшись уходом Правителя (Президента), Фурзд совсем не демонстративно, а осторожно ушел.

Возвращаясь домой, он вспомнил слова Тувия о пришельце. «Надо призвать Таниру, загадочную дочь своего отца, и пришельца ко мне, – решил он. – Надо бы поговорить с этим пришельцем всерьез». А когда почти подъехал к дому, захохотал, громко и как-то грозно, когда в уме всплыл извивающийся зад лошадки Правителя. И этот хохот продолжался до двери в спальню, где его ожидали, лежа в постели, двое голых молодых парней – из Страны деловых трупов, купленные Фурздом и перевоспитанные, по существу, до кончиков волос.

Глава 8

Валентин целый день приходил в себя от такого путешествия. Танира покинула его. В их лагере Потаповы встретили Валентина по-прежнему радушно, угостили ужином, и он, почти убитый этим миром, лег спать, а на следующий день как будто бы все изменилось. Потаповы жили определенным, старорежимным, можно сказать, распорядком дня. Все было на месте, все было аккуратно и по душе. Утром молитва, завтрак, работа. Оказалось, в саду близ этого дома было что-то похожее на огород, и Сергей копался в этом огороде, помогал Даше. Все это означало какую-то нормальность. Огород, правда, был неким подобием огорода, и тем не менее что-то там росло. Сергей тогда сказал Валентину:

– Валя, это спасает, иначе я бы сошел с ума. Потаповы спасли меня тем, что ввели этот древний великий порядок дня: молитва, завтрак, работа, а после работы обед. Потом, ты учти это, Валя, обязательно послеобеденный сон. Это так помогает. Вдруг в сознании возникают какие-то мысли, образы того века, из которого мы пришли. Все это так умиляет душу, что на минуту остальное кажется сном. Потом мелкие заботы по дому, они всегда есть, старикам ведь надо помогать, – продолжал Сережа. – Обязательно полдник и что-то вроде чая. Нормального чая здесь нет, но есть какие-то намеки. После чая отдых, беседы, прогулки. Мы избегаем, конечно, идти туда, где безумная Юлия.

– Кто она такая? – спросил Валентин.

– Это трагическая история, девушка из XX века. Она попала сюда при мне, когда я уже был здесь, – ответил Сергей, – на моих глазах. Она не выдержала, хотя она и была верующая. И как-то молниеносно на глазах сошла с ума. Но сошла с ума, сохраняя свой ум. Она живет одна, и в глазах ее нет ощущения бедствия. Не знаю, может быть, кто-то ведет ее изнутри, не могу понять, как она жива. Мы относим ей еду и все, что надо. Но общаться с ней трудно, особенно Потаповым. Я-то поэт, для меня безумие – поэзия, – продолжал Сергей.

Действительно, Потаповы, которые вносили строгость в распорядок дня, посоветовали Валентину присоединиться к Сергею там, в огороде. Валентин с удовольствием согласился. Вместе они что-то копали на грядках, и казалось, что это не какой-то век после конца мира, а чуть ли не подмосковная дача. Но иллюзии рассеивались быстро: то птицы кричали бесподобными, совершенно не птичьими голосами, то деревья вызывали какой-то странный невольный страх. Издалека, из-за деревьев, доносились крики безумной Юлии. Но все же, все же... Валентин произнес про себя:

«Да, благодаря Потаповым здесь можно не сойти с ума, можно жить».

За обедом шутили, и Потаповы явно намекнули на одно обстоятельство: Даша подрастала. Надо бы ей замуж. Единственной кандидатурой был, конечно, Сергей. Валентин появился потом. Да и он еще не привык и немного был другой. «А Сергей, – думал Потапов, – хоть и немножко шальной, но все равно православный и очень даже подходит, да и в конце концов надо жить так, как будто ничего не произошло. Господь тогда простит нас и выведет туда, где наше место, которое мы заслужили. Да и за обедом было видно, как Дашенька краснела, когда обращалась к Сергею, и Сергей был ответно нежен с ней. Это так умиляло Валентина, что он опять впадал в состояние, когда словно и не было никакого конца мира и никакого полуада вокруг. Он представлял себе возможное венчание в этом полуаду. «Вот это будет красота, вот это будет победа. Брак в аду, заключенный на небесах, – это действительно что-то, чего не было», – думал Валентин. Так прошло два дня. На третий день явилась Танира. Она пришла, красивая, быстрая, даже стремительная, появилась в доме, словно зажегся свет иной. Валентин вздрогнул, увидев ее. Танира улыбнулась и сказала:

– Валентин, еще одно путешествие со мной. Ничего страшного, вы всегда в безопасности.

Опять улыбнулась. Валентин, который этой ночью переживал все изгибы той странной беседы с Тувием, спросил ее:

– Мы едем к нему, к Тувию?

– Нет. Тувий умер.

– Умер? – спросил Валентин.

– Да, умер, мы, как и вы, умираем, – опять улыбнулась Танира. – Мы едем к еще более важному человеку. Просто для разговора. Он хочет побеседовать с тобой. Я буду переводчицей. Я буду рядом с тобой.

И она сделала какое-то невольное движение в его сторону. Валентин заметил это. Ему стало легче и страшнее. Они вышли, простились с Сергеем и Потаповыми и вскоре опять покатили по пустынной дороге в столицу. По пути Танира призналась Валентину:

– Ты знаешь, я сегодня убила человека.

Валентин похолодел:

– Как убила? За что? Почему?

Танира удивилась:

– Ты еще ребенок. Все было по закону. Ничего против закона я не совершила. Я утром рано шла по дороге на окраине города, вдали лес начинался, и встретила человека. Я всегда вооружена, увидела и убила его.

Валентин не знал, что сказать:

– Увидела и убила? Достаточно увидеть, чтобы убить?

– Именно. У нас есть такой закон. Если ты встречаешь где-то в одиноком месте, на дороге, на окраине человека, одного человека или даже группу людей, и ты видишь и чувствуешь, что этот один может тебя убить, или изнасиловать, или совершить что-то еще, а это часто бывает у нас, то ты имеешь право, даже не будучи полностью уверенным в том, каковы будут его действия, убить его. Убить, чтобы спасти себя.

Валентин ничего не ответил.

– Ты молчишь? Но я поступила нормально, так поступают все. Я почувствовала, что этот человек может представлять опасность для меня. Так часто бывает на наших дорогах. Идешь – и встретишь свою смерть, и поэтому закон разрешает предотвратить собственную смерть другой смертью. Иногда выхода нет, у нас часть убивают на дорогах, я защищала себя и больше ничего.

– Но ведь он... но ведь он не проявлял... – запнулся Валентин, – но ведь он ничего еще не сделал...

– Если бы он что-то сделал, он сделал бы это молниеносно. Я была бы убита. Нет, я хочу жить. И я убила его. Это нормально, все по закону.

Валентин вздохнул:

– Однако же и законы у вас...

Танира засмеялась:

– Каков мир, таковы и законы. Ничего нельзя сделать, мы живем в таком мире. Я хочу жить, и знаешь для чего?..

Дальше они ехали молча.

Валентин чувствовал какое-то дикое отчуждение от Таниры. Она убийца, и в то же время в душе и даже в телесной оболочке рождалось какое-то потаенное стремление к ней, какой-то потаенный сдвиг, как будто она сама была тайной.

Танира смотрела на него добродушно и со снисхождением. Скоро подъехали к огромному зданию.

– По-нашему это дворец, – сказала Танира.

– Довольно мрачно для дворца, – проговорил Валентин.

Но они прошли через охрану, через другую охрану, через коридоры, пока не попали в роскошную не то спальню, не то кабинет. В этой комнате было три дивана, большие кресла, круглые столики, совсем как до конца мира. В кресле уютно и мрачно сидел Фурзд. Перед ним был не круглый стол, а длинный прямоугольный столик и рядом диван. Жестом он пригласил сестр Таниру и Валентина. Никаких угощений, никаких проявлений симпатии, все сухо и как-то мрачновато, гостеприимство в чем-то выражалось, в чем-то, но мрачновато.

Танира на своем языке представила Валентина.

– Да, я именно с ним хотел поговорить. Ты переводи быстрее и точнее, – сказал он Танире.

– Дочь Вагилида знает свое дело.

Фурзд взглянул на нее:

– Да, дочь Вагилида, – он качнул головой. – Мой первый вопрос. Что самое страшное пережил в жизни этот человек, пришедший к нам, как ты говоришь, и Вагилид говорит то же

самое? Это человек, пришедший из доисторического человечества до конца мира. Так ведь? Он пришел оттуда, где еще было много времени до конца мира, так ведь? Но что же он пережил самое страшное?

Танира перевела, но Валентин немного растерялся. Его время, конец XX – начало XXI века, было относительно спокойным. Конечно, случались всякие перестройки, в том числе криминальные, но это теперь показалось Валентину такой мелочью по сравнению с тем, что он пережил здесь.

Он вздохнул и ответил:

– Самое страшное я пережил в раннем детстве, когда познал, что существует боль и обман. Я узнал это сразу. – Валентин немного запутался. – Я имею в виду, в первый раз, когда мне причинили боль и меня обманули. Мне было три года.

Танира вздохнула:

– Это трудно перевести, Валентин, но я постараюсь. Три года – это не тот срок для наших людей, им будет непонятно. Ладно, переведу.

Она перевела. Фурзд захохотал:

– Только и всего? И это было самое страшное? Мой первый вопрос: какие мировые события этот пришелец из доисторического периода пережил, что ударило его в голову, перевернуло?

Валентин пролепетал что-то, и Танира перевела это невнятное по-своему.

Фурзд поморщился.

– Непонятно. Более ясно спрошу: как он перенес вторжение демонов на землю?

Танира вздрогнула и сама ответила:

– Он жил немного раньше. Он ничего не знает об этом.

– Хорошо. Но как он вообще расценивает воздействие бесов на жизнь людей?

Валентин запнулся и пробормотал, что не знает.

Фурзд удивился:

– Что, он не знает? Ладно, как он относится к ним конкретно?

Валентин растерянно ответил, что не понимает вопрос.

Фурзд впал в некоторое раздражение. Наконец он вытаращил глаза.

– Что, он хочет сказать, что ни разу в жизни не видел черта?

Валентин, ничего не соображая, стыдливо ответил, что не сподобился, не видел.

– Он что, идиот? – спросил Фурзд у Таниры.

Танира, пытаясь выйти из положения, стала объяснять Фурзду, что Валентин Уваров жил в особое время, когда даже фрагментарные проявления в видимой жизни самых разных параллельных сил, в том числе и демонов, были затруднены и сведены к минимуму.

– Был такой период? – изумился Фурзд.

– Был. Довольно короткое время, но для жизни человека хватит, – объяснила, как могла, Танира.

Фурзд не мог поверить и только разводил руками.

– До этого периода – до Троянской войны и ранее – все было нормальным, – быстро лепетала Танира, – потом невидимый мир проявлялся только косвенно, но убедительно. Выпадает только этот временной период, по разным причинам это время иногда называют периодом научного материализма, порой прагматизма и здравого смысла.

Фурзд захохотал так, что чуть не свалился с кресла.

– Ну тогда понятно, почему погиб мир, – наконец сказал Фурзд.

Танира всполошилась.

– О нет, о нет! Глупость людей не причина конца мира, Фурзд! Этот период потом кончился. Причина конца мира настолько драматичная и глубокая, что даже мой отец не знает ясно, что произошло.

– Хорошо, Танира, успокойся. Плевать на конец мира, – Фурзд грузно пошевелился в кресле, – я хочу спросить этого младенца о том, что он знает о золотом периоде высших сновидений?

Танира еще раньше говорила Валентину о том, что буквальный перевод с их языка на доисторический невозможен по существу. Но она, благодаря магии отца, настолько вжилась в русский язык, что может донести саму мысль. Она даже часто думает по-русски, а потом, когда говорит с соотечественниками, переводит эти мысли на свой язык. С отцом же она говорит по-русски.

И когда Танира перевела вопрос Фурзда, она упростила его, так как на их языке то, что спросил Фурзд, на самом деле имело столько подсмыслов и нюансов, понятных только закрытому кругу нескольких людей в Ауфири, что Танира перевела это поэтично и без подтекста. Она сама же и ответила:

– Фурзд, он же не жил в это гармоничное, счастливое, спокойное и достойное время. Он жил гораздо раньше.

– Ну и тип, – только и сказал Фурзд, – он ничего не знает о доисторическом времени.

– Фурзд, – запнулась Танира, – даже в самое мутное время сохранились глубокие метафизические и религиозные традиции, по крайней мере для некоторых. Валентин знает их.

Фурзд начал подробно расспрашивать.

Валентин тут же вышел из оцепенения и внутренней растерянности. Он подробно рассказывал о христианстве, о православии, исихазме, суфизме, Веданте, буддизме и даже о даосизме.

Фурзд слушал внимательно, но все мрачнел и мрачнел. Наконец он жестом прервал речь Валентина и, не обращая на него внимания, обратился к Танире:

– Все это совпадает с тем немногим, что говорил твой отец. Но это не наши пути, в этом я убедился окончательно.

Танира напряглась, лицо ее побелело. Фурзд беспощадно продолжал:

– Они основаны на изменении, преобразении сознания человека в некий образ и подобие божие, в некоторое духовное состояние. Но прежде всего, и тебе должно быть это ясным, Танира, – в глазах Фурзда возник вдруг злобещий блеск, – ни я, никто из нас, из нашего народа, не хочет стать иным, чем мы есть. Я хочу быть только собой, какой я есть, а не стать кем-то иным.

Танире показалось, что в глазах Фурзда явилось багрово-черное непонятное солнце. Его взгляд ослепил ее.

– Вся моя воля, – произнес Фурзд, – направлена на то, чтобы найти спасение, не преобразившись, оставшись тем, кто я есть. И я уверен, такова воля и нашего народа.

– Но это трудно, почти невозможно... найти спасение души... таким образом... Ты хочешь объединить несовместимое, – пробормотала Танира, забыв совсем о сжавшемся на диване и ничего не понимающем Валентине.

– Второе, слушай, Танира. По причине нашей воли или по другой причине ты просто не сможешь войти в это божественное состояние. Оно нам не нужно и, может быть, потому и недоступно. Твой отец – исключение.

Танира пыталась что-то сказать, но мысли путались.

– Но вот этот человек, – Фурзд ткнул пальцем в Валентина, – мне чем-то нравится. Язык его жестов говорит о многом. Да и глаза... Они нам пригодятся, Танира, береги его.

– Мои возможности тайные, – ответила Танира.

– Я дам еще более тайные распоряжения, этого будет достаточно.

– Не смею возражать одному из властителей Ауфири.

Фурзд посмотрел на Валентина.

– Скажи, пришелец, что ты знаешь о стране счастливых каннибалов? – насмешливо спросил он.

Танира перевела.

– Я слышал об этом! – воскликнул Валентин. – Об этой стране ада упоминается в буддийской традиции.

– О, они знали о ней до нас, – чуть-чуть умилился Фурзд. – И что они предлагали?

– Они смотрели на это с точки зрения буддизма, – ответил Валентин.

– Все понятно, можешь идти. Вместе с Танирой.

Фурзд встал. Долгий разговор окончился. Вошла охрана.

«Какая у них связь, как они передают приказы? – подумал Валентин Уваров. – Телефонных мобильных или других я не вижу, но какая-то связь есть. Все у них другое. А, неважно, в конце концов».

И они вышли. Опять пустынная дорога до их «лагеря». Танира сначала молчала, мрачно и удрученно. Потом внезапно сказала Валентину:

– Я между двух огней. С одной стороны отец, которого я люблю и обожаю, а с другой... с другой – моя мать и моя страна. Моя мать – простая женщина, она типичная ауфирка из народа. Теперь я буду тебе понятней...

Валентин замер. За окном была тьма, а тьма везде одинакова. Ему показалось, что он опять в свое время, на своей земле. Но внутренне у него не было сомнений, где он, и слушал Таниру всем существом. Но она опять замолчала. Наконец они подъехали к воротам. На прощанье Танира быстро сказала:

– И на той стороне, где отец, там и ты, Валентин.

И губы ее дрогнули, но глаза были жестокие и отчужденные.

* * *

В эту же ночь Фурзд дал распоряжение по своим каналам:

– Арну, передай Раруну, чтобы он предоставил мне доклад о психическом состоянии народа. Пусть задействует всю свою агентуру.

Глава 9

Рарун, приземистый, юркий ауфирец с пронзительными глазками, сделал изумительную карьеру. Родился он в простой семье. Мать била его по ночам. Сестра страдала припадками страха. Но Рарун ни на что не обращал внимания, он упрямо лез вверх, ступенька за ступенькой. Важной ступенькой стал момент, когда его назначили рядовым агентом государственной комиссии по контролю над народной психикой – так длинно и громко называлось это учреждение. Оно находилось под опекой самого тайного государственного секретаря, третьего лица в стране, после Правителя и Верховного судьи. Этим «тайным» в настоящее время был Фурзд.

В задачи комиссии входило следить за всеми аспектами жизни народа, его скрытыми желаниями, настроением, отношением к смерти и концу мира и так далее, включая социальные проблемы. И, конечно, давать рекомендации правительству. Единственное, что не входило в компетенцию Комиссии, – это такие «сверхъестественные аспекты жизни»: колдовство, вампиризм, несанкционированное высасывание жизненной энергии у людей, незаконные магические операции, нелегитимная связь с адом, паранормальные сношения с демонами и тому подобное. За этим наблюдал специальный отдел, особенно строго засекреченный. Рарун и не претендовал на такое. Но в этой сфере у него был особый нюх – на все ненормальное в земной психике, на все сдвиги и причуды людей, на опасные побуждения. «Людам у нас многое разрешается, – думал Рарун, – убивай, например, когда нужно, а фактически – когда захочется. Так нет же, им всегда мало, так и прут, куда их не просят».

Стремительная карьера привела к тому, что он стал главой этой внушающей страх комиссии. Но старых привычек своих не забывал – любил прикинуться, влезть в толпу, сам разузнать, что и как, благо никто, кроме нескольких человек, не знал, да и не мог знать в лицо главу тайной секретной комиссии. Надевал на себя что-нибудь драное и ненужное. «Главное в этой работе – интуиция, – говорил сам себе Рарун, – по намеку, по слову, по ничтожному действию можно многое понять».

Приказ Фурзда для него не был сюрпризом. Он уже давно готовил обширный доклад, проанализировав массу донесений, сделал вызывающие обобщения. Не хватало нескольких деталей, «извивов», как он любил говорить. Рарун любил свой народ. Да, невоздержан, да, драчлив, то впадает в тупость, то в истерику, то ни о чем знать не хочет, кроме секса и зрелищ, наконец, среди народа много монстров, но где их нет? Однако доклад – дело серьезное, и тут не до симпатий к монстрам. Самим докладчиком может заинтересоваться ад. Надо понять, чего хочет Фурзд, и в то же время не врать, а дать реальную картину, иначе будет плохо. Проверят.

Сразу после звонка из ведомства Фурзда Рарун решил прогуляться и своими глазами посмотреть на народ. Он любил такие спонтанные вылазки ни с того ни с сего. На этот раз решил зайти в кабачок. Алкоголь в Ауфири был под строгим контролем – иначе последствия были бы ужасающими. «Зоопарк разнесут – не то слово. Пришельцев затопчут, изуечат, изнасилуют», – таково было мнение полиции. Продавался поэтому некий тонизирующий напиток с небольшим процентным содержанием алкоголя. Он назывался «бюво», и, кроме него, во всей стране ничего опасного не продавалось. Зато популярность «бюво» превосходила восторг перед сексуальными лошадками.

Кабачок был на полутемной улочке и сам был полутемным – электричество экономили. Рарун взял бутылочку и пошел к ближайшей яме около кабака. Дело в том, что людей тянуло пить в яме. Ямы, специально вырытые, были неглубокие, а на дне каждой ямы стоял человек-заводила, остальные же располагались, – кто сидел, кто стоял на обочине ямы, образуя пьющий круг. Тот, кто был в яме, пил обычно больше всех, хотя продажа «бюво» была ограничена – боялись. Разумеется, кто поинтеллигентней – пили внутри кабака, за столиком. Таких презирали.

Пьянство в яме продолжалось, невзирая на сезон, ибо в действительности здесь не было ни зимы, ни лета, а одно теплое, но мокрое существование. Не то чтобы шли непрерывно дожди, но было сыро и смурно. По крайней мере так было в столице, да и во всей Ауфири. А как за ее пределами? С одной стороны – полумертвая Страна деловых трупов. С другой стороны – пустота, никаких государств, одни поля, леса, ничейная бесконечная земля, которая все время тряслась, извергая из себя огонь, лаву и камни, и все это бесконечное пространство было редко заселено: пугливыми племенами, стайками людей, одичавшими существами, и бродили по всей этой земле отдельные бродяги и горемыки. Где-то далеко, за пространствами, было еще два-три государства, подобные Ауфири, и это все.

Из этого пустого пространства заносило в Ауфирь различных нелепых существ, которых использовали как полуроботов.

Рарун хихикнул. Он шел к яме, в глубине которой завывала женщина. Рарун решил пройти к другой яме. У ее края стоял человек с бутылкой «бюво» и, пошатываясь, чуть не сваливаясь в яму, орал. Его слушали крайне внимательно, замирая. Рарун присоединился. Яма была глубокая, и стоявший внизу человек-заводила задрал голову, глядя на оратора.

– Безобразие! – кричал оратор. – Почему народу не дают сексуальных лошадок?! Начальники богатенькие снабжены, а нам, выходит, не лошадки, а одни вонючие бабы!..

– А ты их мой сначала, прежде чем упрекать, – раздался хриплый голос из глубины ямы. Но оратор распалялся все больше:

– Где же тогда народолюбие? Где свобода?! – кричал он, размахивая бутылкой. – Одним – весь мир, а другим только огрызки, – это и есть народолюбие?! Выходит так.

Его сочувственно слушали.

Рарун кивнул сам себе головой. Последнее время он не раз слышал подобные речи. Это уже было что-то революционное. Раньше таких речей не было.

– Еще в детстве, когда я был малюткой, мне моя бабушка говорила, что черти живут лучше нас, – бил себя в грудь и кричал оратор, – так знайте, что там каждый черт сам себе хозяин, он никому не подчинен. Почему от народа это скрывают?!!

Народ отвечал возмущенным гулом.

– Что же делать?!! – громко спросил кто-то из все увеличивающейся толпы вокруг ямы.

– Что делать?!! – закричал оратор. – А я скажу, что делать. Надо требовать от правительства, чтобы все относительно чертей и демонов было рассекречено и чтобы между нашими мирами рухнула стена и мы бы объединились – черти и люди!!! Вот тогда будет настоящая свобода, а не фальшивая! Вот что я вам говорю, братья.

– Но они нас сведут с ума, уничтожат, бесы эти, – убежденно сказал кто-то из толпы пьющих.

– Не сведут, не сведут! – завизжал оратор. – Мы сами их сведем с ума, если надо. Что вы, в свои силы не верите? Мухоморами, что ли, стали?

В это время к оратору подошел другой человек, слегка оттолкнул его и сквозь шум толпы прокричал:

– Дайте мне сказать! Насчет чертей – это перебор, ребята, чистый перебор! Нам надо требовать лошадок, и точка!

Из глубины ямы опять раздалось:

– Да они дорого стоят!

– Ну и что?!! «Народу – лошадки!» С этим выйдем на улицы! Это наше кровное сексуальное дело...

Шум, крики продолжались, кому-то уже досталось бутылкой по голове. Крики мешались, ломая друг друга:

– Займем свободу у чертей! У чертей, у чертей! – скандировали некоторые.

– Лошадок народу! Лошадок – народу! – выкрикивали другие.

– Показывают нам каких-то пришельцев. А нам чертей надо, а не этих диких пришельцев омерзительных, – проговорил кто-то прямо над ухом у Раруна.

Рарун молчал. Потом отошел в сторону и решил прогуляться дальше. Он был надежно вооружен и к тому же привыкший.

«Да, становится все радикальней и радикальней, – подумал он. – Зурдан точно улавливает некоторые настроения – в его руках полиция... Но надо заканчивать доклад, собственно, он почти готов».

Он вернулся в свой офис поздно ночью. По дороге пришлось убить двоих ауфирцев.

* * *

Через три дня доклад был готов. Некоторые моменты в нем особенно нравились Раруну и его заместителям.

Заключение было таково: «Народ встревожен, и, что хуже всего, неясно почему. Все эти претензии, включая желание иметь лошадок, существовали и раньше, как известно уже давно, но они не вызывали никаких волнений народа. Он спокойно относился к этому. И вдруг – ничем не обоснованный взрыв эмоций. Это означает, что длительный цикл перманентной тупости у народа закончился и, по нашим расчетам, раньше времени начинается цикл преждевременной истерии. Мы знаем, что эти циклы сменяют друг друга, но мой опыт указывает на то, что новый цикл истерии на этот раз будет более непредсказуем и опасен, чем обычно. Почему так – механизм этого нам неизвестен». Далее Рарун писал: «Надо обратить внимание

на то, что женщины не только отказываются рожать детей, но и кусаются во время половой связи и ведут себя при этом совершенно неадекватно. Эти явления принимают относительно массовый характер и могут сильно повлиять на дестабилизацию психики мужчин.

Наконец, позволю себе изложить одно наблюдение более тонкого порядка. Как известно, в большие праздники от народа требуют радостно быть на площадях, обращаясь к Понятному. Народ же понимает под Понятным просто некоего хозяина, покровителя или просто не подразумевает никого. Но, по нашим старым наблюдениям, был он, обращаясь к Понятному, весьма позитивно, в некотором роде счастливо. Характер этого воя изучен был нами досконально, ибо в нем отражалась душа или настроение народа. Сейчас я позволю себе заявить, что, по моим личным наблюдениям, в последние два праздника характер воя изменился. В вое Понятному стали появляться нелепые, дикие тона, напоминающие угрожающий вой из могилы, если можно так выразиться. К сожалению, с моей точки зрения, это говорит о коренных изменениях, происходящих в душе народа, и отнюдь не в лучшую сторону».

Рарун всегда присовокуплял к своему докладу что-то витиеватое и не совсем понятное, расплывчатое, и ему это прощали. Но в этом своем заключении он был предельно искренен и сам угнетен изменениями характера воя у народа, считая это явление очень опасным.

О вое вообще в этом государстве существовали целые трактаты, ибо были почти все, не только простой народ, и потому индивидуальный вой мог быть различным: то умоляющим, то безумным, то хохочуще-истеричным, то наполненным черным страхом и тому подобным. Рарун тоже был, но по ночам и скрывал это.

Глава 10

Средь шумного бала случайно
В тревоге мирской суеты
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты...

Валентин услышал этот старинный романс сквозь сон. Он тут же вскочил, накинул что-то и вышел в комнату, откуда раздавались эти чарующие звуки. Он увидел Потаповых, сидящих за столом, а чуть в отдалении, у стола, – Сергея Томилина, который пел. Получалось у него нежно и завораживающе.

- Я со сна подумал, что вернулся вдруг в Россию, – с горечью сказал Валентин.
  - Уваров, присоединяйся к нам, – перевел разговор Сергей.
  - А вы уже позавтракали?
  - Никак нет, – ответил Иван Алексеевич, – мы Сережу слушаем. Он так за душу берет...
- Валентин присоединился... и полился обычный русский разговор...

А в это утро далеко от неожиданных пришельцев, в Рипане, столице Ауфири, Фурзд сидел в одном из своих кабинетов, в так называемом Доме защиты (в сущности, военное ведомство), и дочитывал доклад Раруна.

Все выглядело довольно мрачно. Фурзд нюхом чувствовал, что народ может выйти на площади, на улицы и требовать, по своему обыкновению, того, что невозможно или до патологии опасно осуществить, к тому же Тетрап только что издал несколько нелепых указов, не потрудившись даже продумать последствия.

«Он совсем расплылся последнее время, – думал Фурзд. – У него что-то произошло в голове. Но у него власть, пора действовать. Чтобы осуществить мои проекты, нужна тотальная

власть». И Фурзд почувствовал в себе, даже в своем теле, страстное желание получить такую власть. Он потянулся в кресле.

Но как это осуществить?

Фурзд взял лист и написал: «Переворот».

«Это первый вариант, но он не годится. У меня не хватит сил для прямого государственного переворота. Во-первых, на пути стоит Зурдан. Он тут же перехватит инициативу, в его руках полиция. В моих – защитные силы, войска. Их немного. Это не армии доисторических времен. С кем нам воевать? С деловыми труппами? Смешно, зачем?..

Землю трясет, океан сумасшествует, нам только войны не хватает... Доисторические могли заниматься самоистреблением, земля тогда была еще красавица. А у нас». Фурзд махнул рукой.

– Своим путем все кончится.

Он встал, нажал кнопку. Вошел человек в форме.

– Мне «бюво», моего качества. Две бутылочки. Заесть – не надо. – Человек исчез и почти мгновенно осуществил, а потом опять исчез.

Фурзд налил в стакан и с наслаждением выпил.

«Нет, нет, до конца далеко. Доисторические кончились, а мы не собираемся. Пусть сначала Вселенная кончится, а мы останемся. Надо искать выход, а не плавать целыми днями в бассейне, как Террап. Для тотальных действий нужна тотальная диктатура. Народ-то все примет, подкинуть ему побольше бюво и хороших лозунгов. Но, не говоря уже о Зурдане, за Террапа стоят многие, кто нежится в его бездействии. Да и мои защитные силы... трудно будет подвинуть на бунт. Можно, но трудно. Нет, надо искать другие пути». Он зачеркнул «Переворот» и написал: «Отравить». И тут же ответил сам себе: «Не удастся». Его пища – в руках его людей. Она под контролем.

«Убить».

«Если даже удастся, ну и что? У него появится преемник – власть ему. До выборов. Его и выберут. Его преемник (второе лицо в государстве) – это, конечно, Уверс. Террап бездействует. Лошадок любит больше себя. А Уверс – глуп и решителен. Он полный идиот во внешних делах. Уверс просто сдаст страну деловым труппам. Он их обожает. Да, они полумертвые, зато у них наступит порядок. Не понимает, идиот, что если этим мертвым достанется добыча, то они ее не упустят, съедят. Трупы, когда вдруг чувствуют кровь, иногда гальванизируют. Вцепятся, хищнее живых. Все подчинят своему золоту и своей мертвечине. При них о конце света будешь молить...»

Фурзд встал, взял бумагу, на которой были написаны неблагие слова, и бросил ее в камин, в огонь. Подошел к столу, допил бутылку «бюво», сел в кресло и задумался. И вдруг чуть не подскочил на месте. «Вот он ключ, вот разгадка!» – чуть не вскрикнул он. И на листе чистой бумаги написал одно слово:

НАСЛАЖДЕНИЕ.

Потом откинулся на спинке кресла и стал решать и постигать. «Омст!» И Фурзд вдохновился. «Если только его достать! Но где взять? Он почти исчез. Из архивов известно, что это зелье при приеме не просто усиливает сексуальное наслаждение, но дает нечто качественно иное – сверхнаслаждение, рабом которого становится человек, не может жить без него, до умопомешательства, до визга, до отпадения от человеческого рода. Если Террапу объяснить, где найти омст, он сам понесется туда, ведь знает, что это такое. Забудет о лошадках, и вцепится, и станет безумным рабом сверхнаслаждения, будет ползать, выть и потеряет всякую работоспособность и величие. Его же люди в ужасе заставят уйти в отставку. Такая патология, такой загул бросит дикий мрак на всю команду Террапа, на его людей, и тогда мне легче изощренным

путем захватить власть. Да и народ поймет: вот, мол, до чего доводит свобода и народовластие, нужна железная рука, иначе сгнием в полуаду».

Фурзд захохотал:

– Это вам не лошадки.

Омст! Вот ключ! Словно молния прошла в сознании! Но где и как его достать? Рецепт давно утерян, но ведь кто-то должен знать. Туда, в омст, входят всего две травки – да, да, – у меня же в архиве есть данные: травки эти крайне редкостны, у нас не растут. Но, кроме того, важен секрет приготовления. Кажется, нужны магические воздействия. Настоящее дьявольское зелье!

Фурзд тяжело вздохнул:

– Но достать его будет нелегко! Главное – достать! Остальное – дело техники. Да и Зурдан проявит глупость в такой ситуации: он не мастер таких тонкостей! Сначала соберу всю информацию, пусть скудную! Об омсте давно, давно не было никаких сведений. – И Фурзд зашагал по своему кабинету. Желание искать и действовать немедленно обуяло его. «Как бы самому не вползти в сверхнаслаждение, – усмехнулся он. – Но я тверд, как гроб доисторического человечества. Почему бы не пощупать старушку Гардисту, ну, на этот счет... Вдруг хоть что-нибудь знает... Съезжу один – ничего страшного, я при мощном оружии, пора же и мне идти в народ!»

Фурзд почувствовал страсть к немедленному действию. Сам повел внешне невзрачную машину, туда, к Гардисте. «Старая ведьма ахнет, увидев меня», – улыбнулся он.

Домишко, которым владела Гардиста, был с виду низкопробен, с маленькими треугольными окнами, у дверей бродил паршивый зверь, ни на кого не обращавший внимания.

Фурзд позвонил так, как надо. Гардиста открыла и отпрянула.

– Он пришел, он пришел, – завопила она.

Старушонка эта, ауфирского происхождения, была взлохмачена, полудикая, с бредовым лицом, но с умными, источающими волю, злобу и власть глазками. Выделялись длинные, костлявые пальцы.

Она почему-то вспотела и продолжала визжать:

– Он пришел, он пришел!!!

Старушка была мастером всякой патологии, особенно оккультной. Колдовала она не так, как положено, а по-своему, со сдвигом. Ее не раз собирались задуть.

– Каким зельем угостишь, мамаша? – бодро откликнулся на ее визг Фурзд.

– Какое хочешь, начальник, какое хочешь? Вся отравы к твоим услугам! – захохотала Гардиста.

– Что-то у тебя груди помертвели, – сурово сказал Фурзд, – сейчас мне не до твоих трав и зелий.

– Тогда зачем пришел? – хихикнула Гардиста.

– Я, кажется, твоими отравками не пользовался. Ты для меня более серьезные вещи готовила. Я не сопляк какой-нибудь, чтоб ядами интересоваться.

И Фурзд двинулся в комнату.

– Проходи, проходи! Словно свет вошел ко мне, в уют мой! – запела старушка. Фурзд прошел и присел прямо на дикой кровати старушки. Она гордилась своей постелью.

– Угощений не надо? – тихо спросила Гардиста, успокоившись.

– Нет, просто поговорим. Это и будет угощение. Поговорим о том о сем, о минувших днях, о мелких делах...

Старуха все охала и жаловалась на боль в пояснице.

– Спектакль мне не нужен. Знаю, чем ты пользуешься для своей защиты, – сказал Фурзд.

– Уж и шутку пустить нельзя, – обиделась старуха.

Фурзд еще кое о чем расспросил. Разговор стал мирным, словоохотливым.

И потом Фурзд резко спросил:

– Может, знаешь, где омстом пахнет?

Гардиста подпрыгнула. Глаза выкатились, рот стал дергаться, и она завизжала, вертась вокруг своего позвоночника, почти сверхъестественно:

– Ах, вот чего ты захотел, великий начальник! Спасения своего ищешь?! Ха-ха-ха!

– Говори.

– Да при этом наслаждении конец мира забыть можно. Вот чего ты хочешь!

Старуха подпрыгнула, и глаза ее загорелись радостно-зловеще.

– Понимаю, страшно, страшно, плоть бьется от страха, и тебя это проняло, великий начальник. Уйти в бездну наслаждения, чтоб забыть, чтоб забыть, что надвигается?! Земля трясется, а мы от наслаждения воем! Как хорошо, как хорошо! – закаркала Гардиста и опять запрыгала, махая длинно-острыми руками.

Фурзд молчал. «Вот как повернула ведьма. Неплохо!» – подумал он.

А старуха распялась, кружась по комнате.

– А ты думаешь, я этого не хочу? А!!! – завопила она. – Утонуть в наслаждении, пропитаться им до каждой кровинки и показать всему миру, что не дух, а плоть – есть истина!

Думаешь мне охота корчиться от страха за родную плоть? Пусть другая будет, но с этой, с которой сроднилась, как жаль расставаться, страшно за себя! А в этом наслаждении все забудешь.

Фурзд махнул рукой.

– Бесконечное наслаждение?! Ну и ну! Это смотря в какую бесконечность занесет... Что, ты не знаешь, как плоть может мучиться? Все проклянешь. Я уже не говорю об аде.

Гардиста побледнела.

– А мы избежим ада! Я свое рыло знаю... Наслаждением под конец упьюсь! – взвизгнула она.

– Так пронюхай, нырни в свои подземелья, может, наткнешься на омст...

Гардиста, словно молодая, забегала по комнате.

– Да я спляшу до небес, если найду... И с тобой поделюсь, Фурзд, ты большой начальник, как я могу... без тебя меня придушат.

Фурзд вздохнул:

– Договорились... Но ты мне между делом мозги не терзай. Ишь, о чем визжала – бесконечность, смена плоти... Кто ты есть-то? Скажешь, смерти не боишься? Почему же все другие дрожат и чересчур злобствуют, что мало живут? Это трудностью стало в стране.

Гардиста остановилась перед ним и выпучила старческие глаза.

– А потому, что ничего не знают, что будет с ними, ада бояться и всякой гнусной неизвестности... А я, посмотри на меня, я живу и живу, и ничего меня пока не берет. Года не считаю. А если хочешь, покажу тебе, что значит злобствовать из-за малости жизни. Тут рядом, в сарае.

Фурзд насмешливо согласился.

Гардиста повела его в садик, в темноту. Но тусклый свет падал откуда-то. Фурзд увидел полудомик-полусарайчик. Гардиста открыла дверь. На кроватях лежали двое ауфирцев, которые встали при их появлении.

– Мрак мне с ними, – по-крысиному пискнула Гардиста. – Знаешь, кто за них просил?..

И она шепнула на ухо Фурзду имя. Фурзд отшатнулся.

– Но почему?

– Не знаю. Но раз попросил, такому лицу не откажу. Забочусь о них, – Гардиста закричала.

– А в чем суть? – спросил Фурзд.

– От злобы меня лечить просили. Очень злобствуют на ничтожность жизни...

– И что?..

– Бросаются. Преступления вершат и покой свой потеряли.

Фурзд строго посмотрел на человекoв.

– Oдного зовут Фит, другого Гур, – пояснила Гардиста. – Фит и Гур, сядьте. Не рассматривать вас пришли.

Фит и Гур молча присели на свои кровати.

– Почему дрожите, твари? – резко спросил Фурзд.

– Жить хотим, – сказал Гур, – мы уже вблизи от срока, все прошло так быстро, и злы мы очень из-за того.

Гардиста пояснила:

– Первыми все время на людей бросаются. Многих уже загубили. Гур совсем недавно шел, шел и как вдруг бросится на старичка, который шел впереди. Горло ему перегрыз.

– Старик не представлял опасности? Самозащиты не было?

– Какая самозащита! Старичок-дурачок. Кругом народ.

– Иные старики очень агрессивными бывают. С оружием... Но вот, господин Гур, – обратился он к ауфирцу, – за безобидного старика по закону тебя повесить должны. У нас законы строгие. Ты убивай, но знай меру. Вы еще скоро на младенцев невинных будете бросаться.

Фит и Гур онеподвижились и молчали.

– Дурачье, – захохотал Фурзд. – И почему их тебе отдали? – обратился он к Гардисте.

– Ничего не помогало. Просто припадки злобы на них накатывались, за себя они тогда не в ответе находились. Мать родную придушить могут.

– Это уже слишком, – заметил Фурзд.

– Мои помощники их оберегают и стерегут. – Гардиста подмигнула самой себе. – А я их успокаиваю по-своему. Видишь, какие послушные у меня стали. Я люблю добро делать... – И она опять подмигнула. – Я в них тишину мертвую вселяю, но знаю: через годик снова завизжат. И еще сильнее.

– Ты их научи на клопов злобиться. Может, забудут тогда о людях.

Гардиста хохотнула, а потом добавила:

– В одном случае их покровитель их спас. Во время тайного праздника обращения к Понятному проникли как-то в один из Его, Понятного, Домов, выть стали, что никакой он не Понятный, а, наоборот, оскорбляли Всевышнего и Понятного. Еле-еле вытащили из этой ямы...

– За такое голову им мало свернуть, – ответил Фурзд, – чтоб не думали больше о Понятном.

И Фурзд, простившись с Гардистой, уехал, сказав на прощание:

– Пошепчи, может, найдешь.

Глава 11

Террап любил отдыхать в воде. Для этого во дворце Правителя ему был выстроен внушительный бассейн и рядом с бассейном – цветник. После завтрака Террап обычно сразу шел в воду. Он ложился на спину и в таком положении мог медленно плыть, устремив взор вверх в потолок. Так он существовал часами. Никто не мог тревожить его в это время. Никакое управление страной в этот период бытия его не интересовало. С самыми срочными делами никто не имел смелости сунуться.

Во время такого тихого плаванья Террап иногда разговаривал с самим собой, в основном на отвлеченные темы. Порой вспоминал скудные данные о доисторических животных, которые были у него под рукой, о птеродактилях, впрочем, не любил думать, больше говорил сам с собой о мамонтах.

Через определенное время, варьируемое по его указанию, являлся служитель, помогал ему выйти из бассейна, одевал его, утомленного, и напоминал шепотом о текущем распорядке дня.

Террап слушал его с безразличным видом, весь уйдя в свои думы. Продолговатое лицо словно имело способность вытягиваться, когда он был доволен судьбой.

Следующий этап – первый обед. Первый обед он съедал один, без семьи. Отсутствовала в этой еде, в первом обеде какая-либо роскошь, кроме одной особенности, которой Террап весьма редко, но пользовался, причем с любовью.

Речь идет о том, что ему подавали блюдо с частями тел несуществующих. Вообще говоря, людоедство в Ауфири было строго запрещено, за это даже карали. Но исключением были так называемые несуществующие, которых Потаповы и Сергей видели один раз, когда сами сидели в клетке. Несуществующие – это те люди, которые считали себя несуществующими. Разрешение на поедание их плоти давалось потому, что их вообще не принимали за людей. И не только. Их просто не считали существами, любыми существами, даже травами. Так уж они себя поставили.

Но все же убивать просто так их не разрешалось, потому что с виду они имели человеческий облик, и это выглядело бы некорректно.

Другое дело – если они сами выражали согласие, чтобы их уничтожили, точнее, чтобы их съели. Такая странная тенденция вошла у них даже в привычку. Однако это нужно было оформить по суду, и если суд находил их пожелание действительным, то давалась бумага, а точнее, диплом на съедение. Остальное становилось уже делом техники. Повара знали свое дело.

Террап имел некоторое пристрастие к поеданию несуществующих. Приправа обыкновенно подавалась обильная, с перцем, луком, а порой с вареньем, как будто то был не труп, а пирог. Сам Террап предпочитал есть без всяких приправ, чистое несуществующее. И ел всегда это несуществующее с большим наслаждением.

В этот день, когда Фурзд съездил к Гардисте, Террап именно наслаждался несуществующим. Наслаждался и по-своему раздумывал, забыв о государственных делах. Он вспомнил слова Вагилида о том, что несуществующие, хотя и внешне выглядят так, как будто они есть, сами находятся в состоянии внутреннего небытия. Террап, не торопясь, поедая, думая об этом состоянии, причем на редкость медленно, как думала бы, например, о небытии какая-нибудь рептилия. И все равно он ничего в этом не мог понять. Для него достаточно было, что сами несуществующие принимали себя за несуществующих.

Вообще Террап давно мечтал четвертовать этого Вагилида. Во-первых, он, Вагилид, считает, что действительно создан по образу и подобию Божьему. Это само по себе чудовищное преступление, полагал Террап, и не только он один, ибо:

а) о Боге в понимании доисторических запрещено было даже упоминать;

б) говоря так, Вагилид ставил себя в исключительное, верховное положение по отношению к обществу.

Этих двух пунктов достаточно, чтоб четвертовать. Но Фурзд взял Вагилида под свою абсолютную защиту из-за каких-то своих соображений. А с Фурздом Террап не мог не считаться.

Террап ел, ел, и вскоре его мысли оказались поглощены вопросом: возможно ли обойти власть Фурзда? И к концу обеда решил, что это никак невозможно. Окончив трапезу, Террап с отвращением подумал о том, что теперь ему необходимо заняться государственными делами. Предстояло подписать несколько указов, подготовленных ведомствами по здравоохранению, и к тому же ряд указов, касающихся наук, а также черной магии. Все это было сложно, но неизбежно.

Террап прошел в свой главный рабочий кабинет. По стенам – два аквариума, разная аппаратура и гигантский рабочий стол. Террап стал копаться в приготовленных для него бумагах.

Сразу, не раздумывая, подписал указ о черной магии. Закончив срочные дела, Террап обнаружил небольшой доклад, точнее, донос о непредсказуемом росте злобности населения по причине краткости жизни. Этот доклад поставил в тупик Террапа, так что он даже вспотел. Он знал и по другим источникам, что злобность увеличивается, растет себе и растет. Но он не понимал, почему причиной была именно краткость жизни, хотя в разных докладах было показано, почему раньше это меньше задевало чувства людей, а именно в данный период стало приводить к душевному взрыву. Лишь один докладчик писал, что это явление необъяснимо.

Для Террапа «необъяснимо» было другое: почему вообще краткость жизни может приводить людей, толпу в ярость. Особенно раздражали его те места, где говорилось, что в людях существует некое внутреннее чувство, что их жизнь ненормально короткая, не надо даже сравнивать, например, теперешнюю продолжительность жизни человека с течением жизни животных или других существ, включая доисторических людей. Самого Террапа, конечно, продолжали пичкать всякими средствами, но в принципе он полагал, что в любом случае продолжительность жизни объективно достаточна. «Почему же доисторические жили меньше слонов или воронов и не бунтовали, а мы живем чуть побольше кошек и вопим? – настороженно рассуждал он, шепча: – И потом, как сравнить жизнь доисторического слона, которого сейчас нет, с течением времени у нас. Время-то течет иначе, по-иному».

Он опять уткнулся в бумаги. В одном докладе писалось о том, что увеличение злобности из-за краткости жизни связано с приближением второго конца мира, конца оставшегося человечества. Этот доклад привел Террапа в тихое недоумение. Он написал: «Арестовать докладчика». Во-первых, как он смеет трезвонить в официальной бумаге о якобы близком втором конце мира, бесповоротном и окончательном?

«Когда я плаваю в бассейне, – думал он, – я не чувствую никакого конца, а в этот момент моя интуиция работает безошибочно. Я проверял много раз. Во-вторых, как он смеет называть наше человечество остаточным? Доисторические были монстры, а мы – нормальное человечество».

И Террап написал дополнительно: «Пытать в секретной тюрьме».

Посмотрел на потолок, на аквариумы.

«Зачем так бояться смерти? – сказал он про себя. – Предположим не самое лучшее: после смерти я стану носорогом. Ну и что? Главное, что я останусь, продолжу жить».

Террап встал и посчитал, что на сегодня хватит. Вечер, как всегда, был посвящен разврату.

Глава 12

Фурзд был озадачен, как искать омст, если даже такая прожженная и умудренная тварь, как Гардиста, не знает, где искать? Он чувствовал, что не врет черная ведьма. «По глазам вижу», – повторял себе Фурзд. Он сидел в своем кабинете, который называл поисковым. Туда стекалась наиболее проверенная информация и тайные указы Террапа. Прочитав последний, Фурзд поморщился и прошипел про себя: «Неужели он не понимает, что Дом первого безумия нельзя, невозможно контролировать?» Отбросив бумагу, Фурзд опять подумал о сверхнаслаждении. И решил, что надо окунуться в свой болотный бассейн, прежде чем что-либо сообразить насчет омста и сверхнаслаждения.

Болотный бассейн был любовью Фурзда, он лелеял его. Вообще вода как вода, но с добавлением реальных болотных элементов, тины, зелени, микрочастиц всяких и маленьких полу-гадов.

После короткого купания в болотном бассейне Фурзд чувствовал себя особенно блаженно. Он готов был расцеловать Вселенную, и заодно голова его работала лучше. Врачи пытались объяснить это, но не могли, и Фурзд их прогнал. Он вовсе не презирал естественные науки, но для себя предпочитал что-то более радикальное или просто необъяснимое. «Соловушка ты мой», – называла его одна из жен.

«Соловушка» вошел в бассейн и окунулся с головой в тину. Выпорхнул, окунулся, поплыл и через 10 минут вылез весь такой зеленоватый, но бодро-энергичный. Прислуга обтерла третье лицо государства, и он похлопал ее по мордашке, чисто дружественно. Ауфирка словно улетела на небо.

И действительно, его озарило. Он даже хлопнул себя по животу. Обычная привычка в Ауфири. Он вспомнил о распушенности не так давно. Волею Террапа он был назначен главой так называемого бюро по расследованию неведомых проявлений человека. Довольно двусмысленный титул, тем более что и Террапа больше всего раздражало слово «неведомые». «Нам все ведомо», – твердил в своих речах Террап. И конечно, крупно ошибался в этом.

«Все самые жуткие проявления человека мы знаем через секретные службы, например. Но есть еще что-то неведомое... Бр... Бр...» – думал в то время Фурзд. И действительно, были такие думы. Фурзд тогда мысленно извинялся и ставил свою резолюцию на таких докладах: «Засекретить даже от секретных служб». Доклады о «неведомом» поступали редко. Ну, раза два в году, но они впечатляли даже каменных натур. Бюро было распушено, однако Фурзд знал по докладам и один раз встречался с самым изошренным спецом из этого бюро, с неким Крэком. Маленький, толстый, подвижный, средних лет, но лысенький и необычайно веселый – таков был Крэк с виду. Что творилось у него в душе – Фурзд даже не хотел вникать. В докладах, правда, не говорилось ничего о сверхнаслаждении, но кому же, как не им...

Немедленно он потребовал, чтобы к нему вызвали Крэка. Сейчас же.

Пока вызывали, Фурзд быстро просмотрел доклады о семейной жизни в стране. В целом страна всегда отличалась полной хаотичностью. Закон здесь разрешал почти все. Многоженство, многомужество, свободная жизнь во всем ее блеске, свобода детей по отношению к родителям, вполне допускался, к примеру, садомазохизм и так далее – все тонуло в дикообразном хаосе. Существовал только один пень, как говорили в Ауфири, то есть одно недоразумение. Речь о кровосмесительстве, причем в самой худшей форме – дочери с отцом, матери с сыном. Это допускалось, но вызывало хлесткие дебаты в парламенте. Проблема заключалась, конечно же, не в морали, а в обилии кретинов и идиотов, которых порождали такие, пусть «легитимные», связи.

Голоса в парламенте делились: одни требовали запретить, другая часть, наиболее разнузданная, твердила, что народу и так после конца мира осталось немного, пусть, мол, пополняются даже за счет идиотов и кретинов. Раз Понятный создал кретинов, так и нечего думать – заявляла эта сторона.

Такое мнение противная сторона считала бессердечным и указывала, что эти порожденные хаосом в семейной жизни существа – не совсем идиоты, они явно страдали от такой ситуации. Фурзд полагал, что с этим семейным бредом пора кончать. «Не все коту Масленица», – повторял он доисторическую поговорку, точного значения которой не понимал, но гордился тем, что знал ее.

Наконец позвонили и ввели дородного, обшарпанного человека, в котором Фурзд сразу признал Крэка. Крэк покорно сел на указанное ему место и сложил руки на животике, ожидая. Глазки, где-то внутри спокойные, бегали из стороны в сторону.

Фурзд резко и прямо изложил ему суть дела, его секретность, впрочем, далеко не самой высшей категории (за разглашение – расстрел, но отнюдь не четвертование и тому подобное)... Добавил, что хорошо заплатит из своих фондов, если омст будет найден, хотя бы в каких-нибудь извращенных подземельях, или просто будет раскрыт секрет его приготовления.

В кабинете как-то сразу все помрачнело. Фурзд тонко реагировал на такие вещи. Сразу и радикально изменилась аура. «Если бы на поверхность выплыли некрасивые семейные дела, ничего бы не изменилось и никогда не менялось, – подумал Фурзд. – Все оставалось неизменным».

А тут вдруг стало душно от страха и мрака. Крэк тоже уловил перемену, но жирненькие ручки с животика не снял и улыбался, глядя в лицо Фурзду. Невидимый мрак все сгущался и сгущался. Фурзд от напряжения встал. Крэк улыбался, молчал, а потом внезапно сказал:

– Но ведь в состав омста входит сперма дьявола.

Фурзд пошатнулся и чуть не упал...

* * *

...Наконец Фурзд жестом повелел Крэку выйти и ждать дальнейших распоряжений. Нажал кнопку и приказал через час принести ему папку № 38 из особо секретного специфического отдела, шифр которого он назвал. А сам подошел к потайной двери в глубине его кабинета, открыл ее и вышел в маленькую комнату без окон, в полусвете от черного бра. Посередине комнаты стоял гроб. Фурзд разделся и голый лег в него, закрыл глаза и стал что-то шептать. Эти слова были непереводаемыми ни на один из древних доисторических языков от санскрита до русского, словно они вышли из преисподней.

На самом деле это были, видимо, защитные магические формулы. Хотя магия после конца мира обладала иными, малопонятными свойствами. Наконец Фурзд открыл глаза и стал вылезать из гроба. И шептал, бормотал, но уже что-то понятное.

– Холод, только вечный холод спасет нас. Холод растет в моем теле... Его надо внести в себя. Он не скоро уйдет... Смерть, помоги!..

Потом Фурзд оделся и подошел к темному углу комнаты, где была одна пустота. Словно он молился отсутствию мира. Фурзд долго и неподвижно стоял в углу. Наконец вдруг расслабился, повернулся и немедленно вошел в свой кабинет. Минут через пять девушка в черном с мертвыми глазами, как у погибшего ребенка, принесла ему бумаги из немыслимо засекреченного отдела. Он улыбнулся ей и что-то сказал, непередаваемое.

Ее лицо не дрогнуло, и она вышла. Фурзд жадно стал читать. Иногда бормотал:

– Да, да, я вспоминаю.

Документы касались спермы дьявола.

Спермой дьявола люди после конца мира называли некую субстанцию, наполненную извращенной планетарно-эротической энергией дьявола. Оказалось, что в состав омста в нередких случаях входила сперма дьявола.

Обычный омст давал сексуальное наслаждение, которое настолько овладевало человеком, что в конце концов, желая бесконечно наслаждаться, тот превращался в безвольно-слабоумное существо и ничего более.

Фурзд вздохнул. Но сперма дьявола придавала омсту иную мощь. Было два варианта. В случае одного, наиболее распространенного, человек действительно получал сверхнаслаждение, не добываемое обычным путем (это был уже не секс, а нечто иное), все тело превращалось в орган наслаждения, и это состояние приводило к безумию. Но самое страшное возникло впоследствии: наслаждение внезапно останавливалось и превращалось в неистребимую страсть к самоуничтожению, противиться которой было невозможно. Человек кусал свое тело, рвал его на части, выл дико, на грани безумия, и кончалось все, как правило, смертью. Но в последний момент перед смертью наслаждение возникало вновь... Было замечено, что подобное происходило не только с людьми, но и с крысами, как будто крысы стали близки к человеку. Откуда крысы могли получать такую субстанцию – это никто не мог понять. Но находили

у помоек целые скопища крыс, порвавших самих себя, ибо не выдержало их тело весь бред и стресс сверхнаслаждения. От трупов, однако, несло чем-то приятным.

Второй вариант оказывался более спокойным. Если человек, ставший при этом, наверное, сверхчеловеком, выдерживал такое сверхъестественное наслаждение и не начинал пожирать самого себя, то он фактически становился героем, наподобие античных, бросивших вызов богам. Но вскоре им овладевали демонические сновидения. Сотни демонов в диких образах танцевали вокруг него в эротическом холодном экстазе, повторяя одну и ту же формулу:

Плоть есть Слово!
Плоть есть Слово,
Плоть есть Слово.

Плоть есть Слово – раздавалось повсюду в уме человека, спал он или бодрствовал.

И человек сдавался. Он был готов. Он умирал и перерождался в демона...

Фурзд вздохнул и прилег на диван. Да, да, теперь все ясно. «Какую же участь он готовит Террапу? – думал он. – Повелитель единственной великой страны, оставшейся на земле, пожрет самого себя, как делают это иногда ауфирские крысы... Ну что ж, надо действовать. Только Крэк, этот жирный знаток самых бредовых человеческих аномалий конца мира, может отыскать омст, пусть и со спермой дьявола. Где-нибудь на кладбищах крыс или в самой преисподней». И Фурзд принял решение...

Часть II

Глава 13

Крэк был уверен, что Фурзд отдаст ему приказ добыть омст любым путем, исключая преисподнюю, куда путь в земном теле был наглухо закрыт.

А Крэк и не думал расставаться со своим жирным телом. Он его очень любил и потому веселел.

Получив приказ, встал рано утром и, не простившись с женой и сыночком, похожим на похотливого шалуна, исчез. Он вообще никогда ни с кем не прощался. И когда его коллеги из Бюро расследования человеческих отношений шептали ему в ушко, что скоро завершится процесс конца света, он только хохотал, как будто это его не касалось. В принципе, чем мрачнее было в мире, тем ему веселей.

Крэк поплелся к своему автомобилю и направился безлюдными улицами Ауфири прочь, к границе. Страна-то была небольшая, в сущности, махонькая: кругом все горело, дымилось, топилось и смердело. Ауфирь и еще более мелкие страны были единственными оазисами, пригодными для нормального житья посреди бесконечных пространств выжженной земли.

Ближайшей державой, не считая Страны деловых трупов, была совсем маленькая Неория, с которой Ауфири соединяли дороги. Да и непосредственно вокруг Ауфири было не так жутко: сохранились даже леса, паранормальные звери, пещеры, домики, где жили одичавшие люди. Четкой границы не существовало, и одичавшие часто проникали на территорию государства, где их или отстреливали, или брали на работы, пусть временные.

До Неории Крэк мог добраться за 9–10 часов, но направлялся он не в Неорию, а в некий пункт в 15 минутах езды от границы.

«Пункт» состоял из нескольких домов, забора, охраны, и расположился он по дороге в Неорию. Там можно было ночевать, отдыхать, наблюдать, питаться.

Крэку это могло послужить опорным местом для углубления в окружающий лес конца мира. Он знал, куда углубляться, и, конечно, вооружился убедительно.

Всю дорогу в этот пункт Крэк пел дикие народные ауфирские песни. Почему-то не избегал и свадебных, в которых на свадьбу упорно призывались черти. Крэк любил чертей, но себя больше.

На самой границе вместо пограничного поста он увидел мужика, который заканчивал насилие над мальчиком. Мальчик, однако, не обиделся, а даже повеселел, выскочивши и победив, словно наперегонки.

Крэк вздохнул и задумался. В «пункте» (он назывался Крайний) Крэк предъявил документы, и ему отвели удобную комнату и подали завтрак.

Завтрак состоял из поджаренного аномального существа. Потом принесли «бюво».

Накушавшись и напившись, Крэк посмотрел на свои маленькие жирные ручки, полюбовался ими, откинулся в кресло и решительно погрузился в рассудок.

«Омст, – думал он, – если достану, то не исключено и со спермой дьявола. Тут все зависит от Сумара, если он еще не сожрал себя в своей пещере. Если мертв, то пути свободные... Кстати, нам в Бюро было известно, что не все, принявшие сперму дьявола, начинают ею перерождаться в демонов, что, конечно, неплохо. Естественно, демон-то будет хиленький, никудышный».

Мысли его прервались. «Так вот, – начал он опять, – есть люди, которые выдержали прием спермы дьявола и преодолели его воздействие, оставаясь людьми, тем, кем они были. Как это делается, я не знаю, но, кстати, у меня есть данные, что один из таких, некий Илион

из Неории, едет к нам в Рипан по разрешению самого Фурзда. По моим расчетам, дня через два он должен быть в Крайнем для проверки документов... Еще одна зацепка... Веселье, веселье, одно веселье в моей душе... Эх, Крэк, Крэк, выходит, наплевать тебе на конец мира... Нехорошо. Да, может быть, обойдется... Фурзд обещал дом, если найду сперму дьявола или просто омст, дом в левом центре, самом безопасном месте Рипана, где никогда не трясет и где, наверное, ...ха-ха-ха, хо... не будет конца мира, провались он».

Крэк смеялся от души.

...Отдохнув, пощупав оружие, двинулся в лес. Он был по сути своей самоуверен и не боялся ничего.

Лес встретил его шумком. Но сквозь шум порой были слышны тихие, еле уловимые стоны каких-то нечеловеческих существ. Искаженные страхом деревья так и лезли в душу. Они иногда оживлялись, точно в агонии, и тогда становилось явным, что и они имеют свой непонятный разум. Это предсмертное оживление трав, кустов, деревьев выражалось в их спонтанном трепете при отсутствии всякого ветра, даже в агрессии. Но Крэк ко всему этому привык: не первый раз он бродил по лесу конца мира. «Не исключено, что такая агония может продлиться тысячелетия», – утешал он себя.

Он знал путь еле заметной тропинкой. Иногда за мраком деревьев нет-нет да мелькал одичавший. Их нечего было опасаться, кроме палки или, в худшем случае, ножа, у них ничего не было. Да и трусливыми они были, как тени.

Крэк раздавил по дороге двух маленьких гадов, застрелил тварь, упавшую сверху, и прошел уже полпути, как услышал вой. Это был за кустами одичавший. Стало неприятно, даже страшно, и мороз невольно прошел по спине Крэка. Одичавший выл так, как будто вся Вселенная сошла с ума. А вдали уже виднелась заветная пещера.

Глава 15

В пещере была черная дверь, чуть-чуть приоткрытая. Крэк из осторожности вынул оружие и тихонько стал входить внутрь, все время повторяя:

– Сумур, Сумур, это я, Крэк... это я.

Но все предосторожности оказались излишними. Внутри пещеры виднелась комната, хорошо оборудованная, но в чем-то до истеричности неприятная.

На диковатого вида кровати лежал человек в длинной фиолетовой рубашке и в летних помятых штанах. На кровати, на стене, на одежде – пятна крови.

Голова его покоилась на большой подушке и, казалось, была сама по себе. Светло-зеленые глаза искрились, щеки впали, но Сумур улыбался.

– Я знал, что ты придешь, Крэк... Ты ищешь меня, точнее, омст... ты прав, я стал им... Все кончено.

Крэк деловито присел на табуретку:

– Я вижу, ты в печальном состоянии, Сумур... Не ожидал... Я думал, сперма дьявола – это, в сущности, твоя сперма, Сумур.

Сумур немного привстал:

– Ну шути так, Крэк. Мы ведь с тобой друзья со школьных лет. Ты ведь знаешь, что с детства, лет с 13, меня жгла одна золотая, алмазная мечта – стать чертом.

Крэк согласно кивнул жирной головой.

– Ты помнишь, как эта мечта вела меня в юности, я сгорал от этой жажды?! И вот результат...

Сумур беспомощно развел руками.

– Какой результат? – тихо спросил Крэк.

– Меня погубила информация. Доступ к ней, к секретным материалам о контакте с демоническими силами. Если б не так, я, может быть, забыл бы о своей мечте и приспособился бы к этой проклятой жизни, к этому черному миражу... Привык бы.

– Да, да, то, во что ты проник...

– Погубило меня. Мне стало страшно, потому что я понял, что за этим стоит. Единственная последняя надежда – стать чертом и уйти в их мир.

– Хе-хе, – хихикнул Крэк. – Не ты один мечтаешь об этом... Но как достичь? Творить сумасшедшие мерзости – слишком мало для такого проекта... Надо что-то изменить здесь, – и Крэк указал на голову.

– Но ты же знаешь, друг мой школьный, – и Сумур протянул к Крэку худые руки, – что для этого я искал омст со спермой дьявола. И я нашел тогда, ты это знаешь... Я жрал эту сперму и наслаждался... Думал, что выдержу все, и тогда – награда: я сброшу человеческую оболочку, плюну в лицо этой сволочи и пусть после смерти превращусь в черта, врага нашего рода, как считали в доисторические времена... Ха-ха-ха! – и Сумуром овладела истерика.

Хохот сменялся рыданием, он бросался на стены и с неистовой злобой кусал свои руки. Лилась кровь, и весь он, в фиолетовой длинной рубахе, с всклокоченными волосами на голове, уже превратился, но не в черта, а в человеческое существо последнего визга.

Крэк сидел как вкопанный, даже присущее ему внутреннее веселье поколебалось.

Сумур опустил на четвереньки и весь в крови, слезах и в злобном поту ползал по пещере.

Крэк вдруг резко произнес:

– Успокойся!

Неожиданно Сумур замер на пещерном полу.

– Я понял. После немыслимых наслаждений, когда наступила пора самоуничтожения, ты не смог справиться с этим... Если бы справился, стал бы демоном... Они помогали бы тебе...

– Да, да, – Сумур поднял к Крэку зачумленное лицо, – я не могу это остановить... – Он взвыл: – Осталась одна страсть: грызть, уничтожать, рвать собственное тело. Не то чтобы просто убить себя, нет, умрешь – и все будет иное, нет – кусать и рвать физическое тело, мстить ему, царапать, выть... Не умереть, а жить, чтобы истязать свое тело... Я не могу ничего с этим сделать... Оно поглотило меня. – Сумур встал. – Посмотри на меня. – И Сумур сбросил рубашку. Крэк пошатнулся и закрыл глазки.

Тело было изорвано, искусано, в кровоподтеках, в свисающих кусках кожи.

Сумур запел. Это были ауфирские народные песни. Полулегальные, так как поэзия в Ауфири была запрещена, но эти песни почему-то не считались поэзией. К тому же они были древние, их сочинили сразу после конца света.

Крэк прослушал и посоветовал своему школьному другу лечь на кровать. Сумур поплелся к постели, лег и произнес:

– Все кончено, не получился из меня черт.

Крэк вздохнул.

– Сумур, – во внезапной тишине спросил он, – что-нибудь осталось у тебя?

– Нет. Зачем? Нужная доза уже принята, после нее этот яд уже не воспринимается и не действует...

– Некоторые хранят его как реликвию...

– Не я. Ничего не осталось, хочешь, обыщи...

Крэк тяжело вздохнул.

– Если бы у меня было, Крэк, я бы отдал тебе, мне не надо, я не жалею... Кто тебя послал? Я уверен, что ты не для себя, ты не такой...

Припадок кончился, и Сумур говорил вполне нормально.

Крэк всерьез загрузил: сразу неудача. Он молчал, погруженный в свои соображения.

Сумур тоже молчал. Так, в каком-то диком молчании, прошло полчаса. Они были рядом и в то же время бесконечно далеки друг от друга. Вдруг Сумур произнес:

- Надвигается большой припадок.
- Тот был маленький?
- Ничтожный.

Сумур начал как-то неестественно двигаться телом на своей одинокой постели. Пальцы его стали потихоньку извиваться и дрожать, как змеи.

– Сумур, – медленно сказал Крэк, – если ты считаешь, что у тебя нет надежды остановить это, может быть, будет лучше, если по твоей просьбе я пристрелю тебя по-доброму. Я могу услужить тебе, по старой дружбе...

Сумур задумался на минуту. Словно тень прошла в уме.

– Пожалуй, стоит – согласился Сумур, – пристрели меня, Крэк. Сам я сделаю это плохо. Да и не в этом моя задача. А ты пристрели.

Крэк улыбнулся.

– Мне это неприятно, Сумур, но ради тебя...

– Сожги труп. Обещай мне. К тому же среди одичавших не так уж и мало людоедов... И они не знают разницы между живыми и мертвыми...

Крэк пожал плечами:

– Все может быть в этом мире.

Он вынул оружие и быстро, решительно убил Сумура. Потом начал обыскивать пещеру. Лазил в самые темные углы, где была слизь и мелкие полугады, залезая в ветхие ящички.

«Ничего, решительно ничего», – бормотал он.

Взглянул на друга. Тот лежал, как и положено мертвому, но Крэк уловил какую-то странную блаженную улыбку, почти неразличимую... Он почувствовал, что сперма дьявола по-прежнему действует даже в трупе.

Ему стало страшно, и он вспотел. Впервые дрожь прошла по всему телу. Он уже видел, чувствовал, что стихия дьявольского наслаждения играет, проходит легкой дрожью по трупу, и вот сейчас труп поднимется и станет наслаждаться... И душа праха проснется, чтобы жить... Крэк взвизгнул и убежал, забыв о своем обещании сжечь тело...

...Постепенно, петляя по тропе, замедлил бег и уже шел, погруженный в ужас.

Глава 16

Крэк ворочался в мягкой постели в Крайнем. Все вспоминал блаженную улыбку трупа. «Мне бы так», – думалось где-то внутри.

Но Крэк умел отгонять дикие мысли. Единственное, чего он не хотел теперь, – это смерти. А хотелось иметь домик посреди хаоса конца мира. Уютный домик.

Он устал от авантюр. Только сейчас, после замеченной им улыбки трупа, он почувствовал это. Хватит ловить маньяков, помешавшихся на любви к бесам, самопожирателей всех сортов, людоедов и особенно поклонников ада, именно того региона, который называется «страной счастливых каннибалов». Суть этого последнего региона Крэк никак не мог понять. Людоедство в Ауфири наказуемо, если оно используется для удовольствия или по прихоти. Это вполне логично.

Но почему в аду должно быть счастье? Кто-то из экспертов объяснял ему, что в этом регионе ада все счастливы, потому что обречены. В других регионах есть религия, есть надежда на достойный выход из ада, для региона счастливых каннибалов такого нет. Там нет религии, там нет надежды, там все становятся тенью самого себя. И нет выхода из ада. А когда рухнет ад, рухнут и они. Зато они счастливы. Это дано как компенсация за абсолютную обреченность. Эти существа имеют полную возможность для реализации своей вампирической сути. Они

могут поглощать энергию людей, мертвых или живых, пожирать частицы их распада, иными словами, «поэтически говоря», «резать, нежить, насиловать трупы». Красть жизнь друг у друга в вихре своего потустороннего бытия.

Крэк не спал, а все время мыслил словами этого эксперта. Наконец заснул. Наутро, позавтракав тут же умерщвленным подобием курицы, Крэк ринулся проверить, не приехал ли Иллион. Оказалось, что не только приехал, но и уехал. Крэк с досадой плюнул в лицо дежурного из одичавших, но делать было нечего. В конце концов, Иллиона вызвал Фурзд, и ему нечего вмешиваться в дела начальства. Какое он имеет право? Подумав и поспав в кресле после кружки «бюво», Крэк решил, что единственная возможность – это дети. Только у этих тварей можно найти следы омста, они ведь почти все отпетые наркоманы. Там, во тьме детства, можно найти самых нечеловеческих чудовищ. Нужен только тонкий подход. Дети стали впечатлительны, чуть что – нож в спину. Потому надо начать со школы, точнее, с учителей и директоров. Эти, конечно, тоже хороши. Не нужно идти в школы, где по приказу Террапа практикуется мрачная дисциплина. Надо искать там, где развал и распад. Если брать детей, то выпытывать лучше у девчонок. Они трусливы и дрожат. Только там можно найти хоть какие-то следы хотя бы обычного омста. Не до спермы дьявола сейчас. И энергичный Крэк решил сейчас же направиться в одну приметливую школу, которую он знал.

Подъезжая к столице, Крэк тем не менее размышлял. Он обладал достаточной информацией, чтобы размышлять.

Наконец вот и школа. Круглое обшарпанное здание. У входа лозунг: «Не выучишься – станешь одичавшим». Вошел в вестибюль. Там на стене крупными буквами на учебной доске предупреждение: «Половые сношения в этой школе строго запрещены. В крайнем случае можно попросить разрешения у директора и тогда идти в туалет. Мастурбация в пределах школы тоже не рекомендуется».

Крэк сразу направился в кабинет директора. Он знал этого старичка по своей работе в Бюро человеческих аномалий. Тогда еще этот человек, звали его Виттер, учительствовал в одной из центральных школ, и у него были серьезные проблемы по линии аномалий. В бюро даже предлагали его пристрелить, слишком из ряда вон выходящая у него была аномалия даже для выдавших виды ауфирцев, но обошлось. Крэк тогда отстоял его. Поэтому Виттер считал Крэка своим другом и встретил его с объятиями и, впрочем, поцеловал.

– Ты еще в бюро? – осведомился директор. – Как там?

– Я не совсем там. Но уверяю тебя, Виттер, не беспокойся, твое дело закрыто. Я к тебе по другому...

– По какому? – директор от радости присел на стул.

На его столе красовался глобус, в основном окрашенный в черное (что означало непригодность для человеческого существования), и только маленькие пятнышки белого цвета означали Ауфирь, Страну деловых трупов, Неорию и еще что-то невразумительное.

Крэк по обыкновению вздохнул и сел в кресло.

– Знаешь, Виттер, как у тебя здесь с наркотиками?

– Как везде. Наркотики запрещены, дети и так хороши без наркотиков. Если их не ограничивать, то мы все сойдем с ума. Потому закон прав.

– Кому ты это говоришь? Знаю, знаю... Но ведь все-таки проникают потихоньку?

Директор покраснел. Он вообще был стыдлив, редкое качество, и в глазах общества нелепое.

– Потихоньку, конечно, проникают.

– Как насчет омста?

Директор подпрыгнул:

– Хи, хи... Что ты, Крэк, что ты? Откуда? Это было бы сразу обнаружено, по поведению. Такое не скроешь, даже в малой дозе...

– Хорошо, хорошо... Но подумай. Ты всегда любил думать. На этом мы и сошлись. Но, может быть, что-то косвенное. Думай.

Виттер замолк и через несколько минут произнес:

– Ты знаешь, тут одна девчонка лет двенадцати в письменной работе два раза употребила, совсем без логики, слово «омст». Это было недавно. Вообще-то мы не обратили внимания, ведь у детей часто бывают галлюцинации – это нормально. Мало ли что...

– Отлично. Как ее найти?

Виттер объяснил.

– Ее зовут Канус.

Крэк простился с директором, и тот опять поцеловал его.

Поджидая окончания урока, Крэк скучал, особо не надеясь. Он посмотрел на расписание. Предметы были чисто технические, все гуманитарные науки, включая самые важные (история и литература), были запрещены, точнее, об их существовании никто не знал, включая самих учителей и директора. Даже Крэк, специалист особого назначения, имел о таких предметах самое смутное представление. О религиях и говорить нечего. Впрочем, молитва, точнее, обращения к Понятному, как известно, допускалась иногда, но не в школе, да это и не считалось религией. О Непонятном в школах, конечно, не имели представления.

Дверь распахнулась, и детишки с визгом вылетели в коридор. Они как-то странно стлкивались лбами. Причем девочки казались наглее мальчишек, они даже кусались. Но были и такие, которые тихо отходили в сторону и что-то шептали про себя. Кто-то задумывался, текли слюни. Было полное ощущение свободы. Крэк наметанным глазом сразу определил, у кого галлюцинации. Их было немного.

– Канус, Канус! – позвал он, точно поманил.

Подошла тихая девочка лет двенадцати с выпуклыми глазами. Спросила:

– Господин хочет в туалет?

– Нет, нет. Ты мне ответь, пожалуйста, как взрослая, что ты знаешь о слове «омст».

В это время в коридор ворвались другие классы, и животный хохот заполнил пространство. Где-то, однако, раздавался плач.

– Отойдем в сторону на лестницу, – сказал Крэк.

Там девочка проговорила:

– Дядя, я не знаю, что такое омст.

– Но ты употребляла это слово.

– Я слышала это слово в бане, и оно мне понравилось.

– В какой бане и от кого?

– В нашей бане, напротив школы. От банщика Ромы.

– Ты не врешь? Смотри, накажу.

Девочка заморгала глазами.

– Я боюсь вам врать.

– Молодец.

Вдруг возникла фигура учительницы. Сухая, высокая, строгая.

– Девочками интересуетесь? – спросила она у Крэка, но совершенно механически и даже не равнодушным, а просто машинным голосом, как будто она заводная кукла.

«Разговаривает, как говорят в Стране деловых трупов, но там трупность, не только механичность. Впрочем, многие и у нас теперь так говорят», – подумал он.

– Нет, мадам, я импотент, – гордо ответил Крэк.

– А... Вот как... А, – металлическим голосом ответила учительница и пошла прочь.

Крэк хихикнул ей вслед.

– Канус, я пошел бы с тобой в туалет, мне бы директор разрешил, но у меня дела, – Крэк развел руками. – Ты уж меня извини. Простишь меня?

– Я прощаю тебе, – важно ответила девочка.

– Ну вот и хорошо. Иди в класс.

Хохот в коридоре не умолкал.

Крэк спустился вниз, прошел мимо спортивного зала и, не простившись с директором, вышел на улицу. «На всякий случай надо проверить этого банщика, – вздохнул Крэк. – Но на сегодня хватит. Пора домой, отдохнуть и кое-что записать».

Глава 17

Чудесный, даже в чем-то какой-то интимный вечер опустился над страной конца мира.

Сквозь обычные низкие тяжелые облака вдруг прорвалось адское солнышко. И стало удивительно красиво, как будто в Ауфири вселился пейзаж XIX века. Но что-то в этом было прощальное и неестественное. Не может же из гроба выйти прошлое, тем более если речь идет о самой природе.

Жильцы русской обители в Ауфири не верили своим глазам. Иван Алексеевич, глава семейства Потаповых, уверял, что это к добру. Полина Васильевна, напротив, твердила за чаем, что к беде. Дашенька молчала и думала о своем Сергее, которого, конечно, уже давно прочили ей в женихи. Оставалось ждать год, согласно обычаю и возрасту Даши. Выйти замуж в ад – в этом было что-то неуместимое в ум. Но иного варианта не предвиделось, жизнь продолжалась и здесь. Потаповы были уверены, что попали в ад, а не в будущее перед концом мира. Правда, в довольно странный, необычный ад, потому они и надеялись, что рано или поздно они пройдут это испытание и оно останется позади.

Сергей последнее время потерял ориентацию, где он находился. С одной стороны, Валентин с его Вагилидом, с другой – Потаповы, и к тому же Дашеньку он уже лелеял в сердце своем. «Мне, парню XX века, девушка из XIX века, неиспорченная такая, чистая, верная, как раз подходит, – полагал Сергей. – И потом, я всегда был мечтатель и поэт в душе».

Но ситуация в целом стала все больше и больше ужасать его. Он, казалось, потерял гибкую человеческую способность к привыканию в любых обстоятельствах, ад – не ад, горе – не беда... Но обстоятельства оказались настолько чрезвычайными, что его сознание стало отказываться «вмещать» неуместимое. Он чувствовал, что опасность где-то рядом. Но Дашенька – надежда. Сергей сомневался только в ребенке. Если он будет, то как совместить это с адом?

А крик безумной Юлии напоминал ему, что ад – вот он, рядом. В ее крике появилось нечто недоступное никаким демонологам. Она иногда пробегала мимо дома Потаповых. От ее взгляда Иван Алексеевич просто отпрыгивал, словно чумел на секунду.

И вот этим нежным прекрасным вечером к их дому подъехала машина, из которой вышла нарядная Танира. Валентин сначала отпрянул от внезапности, но Танира даже протянула к нему руки.

– Идемте, Валентин. Садитесь в машину. Едем к отцу. Там появился новый человек! Будет загадочно и интересно, – она улыбалась, она цвела.

Уваров еще не видел Таниру такой. Глаза ее сияли и были направлены на него.

И они направились в путь, туда, в дом, где жил теперь Вагилид вместе с Танирой.

– Отец практически легализовался, – сказала Танира (говорила она с Валентином на языке XX века, всегда по-русски). – Фурзд все более и более покрывает его.

Валентин молчал. Его взгляд был устремлен на дремлющие в присутствии смерти поля и леса. А красота этого вечера убивала его. Но вскоре присутствие Таниры, казалось, отбросило прочь все негации. «Если в ад, то с ней», – подумал Валентин. Танира точно угадала его мысли и усмехнулась.

– Ты распознала, о чем я думаю? – тихо спросил он.

– О Господи, как говорили вы в давно прошедшие тысячелетия... Перед концом все обострено, Валентин, а уж такую ясную мысль нетрудно увидеть. Но суть в том, что в аду люди меняются и неизвестно, какими существами мы будем там, мы можем раскрыться в разных направлениях, и не то что друг друга, себя не узнаем... Ад – это не шутка, Валентин. Лучше уж поживем перед концом мира.

Валентин тихонько коснулся ее руки.

– Твоя русская душа принимает это? – улыбнулась она.

– Мне опять кажется, что все это сон. Не может быть явь такой... даже слов не найду... Это не явь, не явь, не явь, Танира...

– Не мучайся, – чуть резко сказала она. – Отступи. Не задавай себе неразрешимых вопросов. Ум человеческий слишком слаб, чтобы понять и воспринять реальность как она есть, в полном ее величии и сумасшествии, и тем более в божественности. Такое доступно только Богу. Так вычеркнем ужас...

Наконец они подъехали к довольно заброшенному домику на окраине столицы, но Уварова поразило, что за полуразрушенным забором приютилась охрана.

– Ого! – только и мог вымолвить Валентин. – Фурзд проявляет интерес к метафизике. К чему бы это?

Они вошли в дом, очутились в небольшой уютной гостиной. Широкий деревянный стол, стулья с высокими спинками. За столом Вагилид и еще один толстоватенький, могучего телосложения человек. Золотистые волосы, голубовато-пристальные глаза. И добродушие в то же время. Перед ним – кружка «бюво».

Вагилид обнял дочь, поприветствовал Валентина.

– А теперь познакомьтесь, мой друг из чужой страны, из Неории.

Иллон привстал вдруг. Вагилид пояснил:

– Он тоже знаток древних тайн и наук, как и я. Долго скрывался в своей стране... А вот беседовать придется на ауфирском языке. Иллион не знает русского, он специалист по Индии, по санскриту... Ауфирский язык, тот, кстати, похож на неорский... А на русский, Валентин, вам будет переводить Танира. Она это делает быстро...

– По «бюво»?! – сказал Вагилид и, не дожидаясь ответа, подошел к довольно странному буфету, напоминающему ствол невообразимо широкого дерева, и вынул оттуда кружки, а Танира, подбежав, вытащила две бутылки «бюво». «Бюво» оказалось легкого сорта, и Валентин постепенно стал привыкать к этому дичайшему напитку. Он еще раньше попросил Таниру походатайствовать, чтобы им в обитель приносили по четыре бутылки «бюво» в неделю. Бутылки в Ауфири производили вполне вместительные. «Бюво» пили, как правило, без закуски.

– Потом поужинаем, – обещал Вагилид. Валентин чуть-чуть вздрогнул: он опасался некоторых ауфирских блюд. Между тем Иллион как заправский гость уточнил ситуацию.

– Мой драгоценный друг и в некотором роде мой Учитель, я имею в виду, конечно, тебя, Вагилид, – начал он, – немножко неточен, говоря, что я скрывался в моей родной Неории. В каком-то смысле я действительно скрывался, но не столько от своих граждан, сколько от всего мира. Дело в том, что у нас в Неории другой вид демократии, чем в Ауфири... Не буду пояснять нашему гостю из архаических времен все эти мелочи. Но на человеческом уровне, я не говорю о выборах и тому подобном, между Неорией и Ауфирью – чувствительная разница.

Вагилид согласно кивнул головой. Валентин весь обратился в слух, и голос Таниры, ее перевод, еще сильнее приковал его внимание.

– В Неории, – добродушно продолжал Иллион, – главный упор делается на однообразную тупость народа. В Ауфири же все бурлит: здесь – поиск, народ ищет бесов. У нас же в Неории все выходящее за пределы тупости – не то что запрещено, такого просто нет. У нас нет культа Понятого и Непонятого, в чертах у нас никто не разбирается, даже не знает, что это такое. Все явления, связанные с бесами, объясняют вмешательством ауфирцев или каких-то

инопланетян. А вот что по-тайному запрещено, так это любой намек на конец света. Раньше за такой намек вешали. Но теперь добились того, что сомнений нет: впереди – не конец света, а бесконечный прогресс. Пожары, землетрясения, буйство огня, небесные знамения объясняют временными трудностями. Поэтому на них уже никто не обращает внимания. Все работают, трудятся, копошатся. А тупость больше всего проявляется в общении.

– Это напоминает Страну деловых трупов, – вставил Валентин.

– Тысячу раз – нет, – Иллион расхохотался и похлопал себя по животу. – Там гораздо, несравнимо мертвее. У нас же тупость, а не трупность. К тому же у нас люди общаются, а в Стране деловых трупов общения между людьми практически нет. Кроме двух-трех фраз. Все посвящено делу, бизнесу. Там и смерть – тоже бизнес. Трупы тоже умирают, господа, распадаются, так сказать, превращаются в труху... Эта труха там продается, кстати. У нас такого никогда не было и не будет! – гордо закончил Иллион. – У нас даже есть культура трухи, хотя слово «культура» запрещено.

Вагилид улыбался.

– Я поясню мысль моего друга, – сказал он. – При тотальной тупости легче изучать или заниматься чем угодно. Все равно не поймут, не донесут, не разберутся. О каком там высшем Я или образе и подобии Божиим может идти речь среди них – они слов таких не знают, тем более значения. И это включая элиту.

– Я прекрасно приспособился к ситуации и тупости, – хохотнул Иллион и глотнул «бюво». – Кстати, у нас в глубоких пещерах сохранились даже христиане. Маленькая кучка настоящих, истинных, традиционных христиан, а не карикатурных. Они на самом деле скрываются, потому что хотя никто и не поймет, но за непонятие могут наказать... А я – один, одному легче.

Вагилид помрачнел:

– У нас в Ауфири, если говорить, в частности, о христианах, – такое абсолютно невозможно. Все равно бы пронюхали и свернули шею. Никакой Фурзд бы не помог. Одному может быть что-то позволено для изучения, но не группе людей... Наши русские – не в счет, к ним особое отношение. Много лет назад у нас вешали даже за знание поэзии, древней, нашей – не существенно...

Воцарилось молчание.

– Господа, не унывать, – оживился Иллион, – хотите, вам прочитаю стихи? – И он стал читать Вергилия по-латыни, что звучало потрясающе. Потом перевел смысл. – Это был великий поэт и пророк! Он видел и ад, и богов, и космос... Звезды приветствовали его рождение...

– Это да, – проговорила Танира. – А вы, Валентин, почитаете Блока или Пушкина?

Валентин прочел. Иллион замер.

– Одно могу сказать: божественный язык, – прервал он молчание, – великий божественный язык.

Вагилид вдруг перевел внимание в другую сферу:

– Валентин, – лукаво обратился он к Уварову, – эти истории, определения Неории и Страны деловых трупов вам что-то напоминают из вашего XXI века?

От такого вопроса Валентин хлебнул изрядную дозу «бюво». И потом ответил:

– К сожалению, да, в тех странах, в которых современная мне цивилизация была выражена в высшей степени, преобладали тупость и мертвечина. Метафизическая тупость – карикатура на религию. Но все-таки это расцвело тотально и в принципе несравнимо с тем, что у вас сейчас. Хотя для нас это был кошмар.

– Поясните точнее, дорогой. Мне как специалисту по разврату в античном мире, – Иллион добродушно погладил себя по животу и широко улыбнулся, – не все понятно.

– Дело не в разврате, – вступила Танира, – разврат всегда был. Это была шутка. Разврат достоин шутки.

Валентин, однако, разошелся. Воспоминания о прошлой жизни, о поездках в разные страны, об ауре того времени вспыхнули так, что кровь прилила к щекам, в глазах возник огонь – огонь небесный и огонь гнева одновременно.

– Я объясню, – резко начал он. – Речь идет в основном о так называемом западном мире.

– О каком?

Валентин назвал страны. Иллион удивился:

– Я о таких и не слышал. Только Вагилид, наверное, слышал о таких.

Валентин, не обращая внимания на то, понимают ли его полностью или нет (но Танира переводила отлично), продолжал:

– В мое время европейской эту цивилизацию уже нельзя было назвать. Северная Америка никогда не была Европой, а в самой Западной Европе новая цивилизация, отказавшаяся от основ европейской, зародилась в XX веке, во второй половине. Христианство было изгнано со сцены. Религия и культура превратились в фарс. Литература не запрещалась, но она в основном была на уровне подростков. Ни о какой прежней глубине не было и речи. Деньги превратились в божество, в мерило человека. Бессмысленный материализм окутал всю жизнь. Да, в каких-то секретных организациях серьезно занимались прорывом в параллельные миры, кое-что у них получилось, но все это было закрыто для людей. Народ держался в капкане полного безразличия ко всему, что не приносит деньги. Вроде бы все разрешалось, но все превращалось в пародию. Бог, рай, ад, любовь, смерть, искусство – все-все стало пародией. Люди стали жертвами этой цивилизации.

– Неужели так и было?! – умилился Иллион. Вагилид, однако, помрачнел.

– Я вам расскажу такой случай. В Америке, в Соединенных Штатах (опять вздох удивления у Иллиона), пастор рассказывал своим прихожанам о Нагорной проповеди Христа. Один прихожанин встал и спрашивает: «Скажите, пожалуйста, сколько Христос получил за свою проповедь, сколько ему заплатили?» Пастор немного растерялся, но потом ответил: «Ничего». На что прихожанин заявил: «Ну, тогда это несерьезно» – и сел.

– Ну и пейзаж! – Иллион развел руками. – Это вам не античный разврат времен упадка империи. Те хоть в богов верили. И долго этот идиотизм продолжался?!

– Не знаю. Я сам оттуда.

Вагилид наконец вмешался.

– Наш друг из Неории любит подшучивать над родом человеческим. Это его слабость и право. Но ситуация тогда была очень серьезная, духовная вертикаль отрезана, потеряна у людей. Если посмотреть на всю эту реальность в целом, не только как жрут и пьют в ресторанах и летают на своих бессмысленных самолетах, а на все, включая посмертное существование людей, то картина получалась ужасающая. Эта цивилизация стала преддверием ада, по крайней мере ада ничтожных душ. Она превратилась в чудовищного и циничного поставщика человеческих душ в ад.

– Это верно, – заметил Валентин, чуть успокоившись, и потом продолжил: – Была свобода, но в основном для нижней половины человеческого тела. Главное в человеке при этой свободе было тщательно замуровано.

Иллион прервал речь Валентина на минуту:

– Свобода, данная нам, может вести и в рай, и в ад, и к истине и ко лжи...

– Она многолика, – заметил Вагилид. – Свобода может породить такие цветочки, где истина и ложь, добро и зло смешаны в едином жутковатом букете.

– В наше время, – ответил Валентин, – во всем мире было гораздо проще: тотальная власть золотого тельца, свобода для низшего начала в человеке и подавление высшего начала путем массовой обработки сознания людей. Итог – свобода превратилась в рабство.

Валентин знал, что Вагилид будет говорить о продолжении, и сердце его опять заби-лось-забилося нервно, напряженно и в некотором страхе.

– Этот маразм не мог долго продолжаться. Там это была карикатура даже на Сатану. До него они явно не дотягивали, хоть и пыжились (прекрасное русское слово нашла Танира в порядке перевода – Вагилид обращался в Иллиону и поэтому говорил по-ауфирски)... Короче говоря, эта цивилизация окончательно рухнула к середине третьего тысячелетия, а начало обвала произошло уже в XXI веке. Это был несколько затянувшийся процесс конца. Катаклизмы, катастрофы, изменения в самой так называемой природе (они не знали, что фактически стоит за этой «природой») – всего хватало. Войны, технологический тупик, но и открытия. Занавес, отделяющий этот карикатурный мир от остальной действительности, постепенно стал приоткрываться. Стали открываться глаза. И это привело к созданию другой, духовно приемлемой цивилизации. Абсолютно все, что возводила в абсолют эта отпавшая цивилизация, было отброшено.

Валентин вдруг вступился за эту цивилизацию, и Танира почувствовала его правоту:

– Вагилид, хочу сказать, что далеко не все было так плохо. Во-первых, эта цивилизация социального муравейника завоевала не весь мир. Да, она проникла в Россию, в Китай, даже в Индию, но отнюдь не совсем. Особенно в духовном смысле. Да и на самом Западе были, слава Богу, вполне осознающие ситуацию отдельные люди и даже группы... Их неизбежно становилось все больше и больше.

Вагилид поднял руки вверх:

– Конечно, конечно. Сдаюсь. До конца мира тогда было еще очень далеко. Смена цивилизаций – это же не конец света. Тогда возможности и добра, и зла в человечестве еще не были исчерпаны. Некоторые пророчества еще не исполнились. Впереди зрело невиданное. Да и людей света у вас было достаточно. Никаких сравнений с нашим воистину трагическим миром не может быть.

– Но как же? – ласково вставил Иллион. – А история с Нагорной проповедью? Она вполне могла произойти в Стране деловых трупов.

– Иллион, сразу видно, что вы никогда там не были. Или просто по обыкновению шутите. В Стране деловых трупов такой истории не могло произойти по той простой причине, что, во-первых, там нет пасторов, пусть даже карикатурных, во-вторых, там никто не знает, кто такой Христос и что значит Нагорная проповедь, и к тому же таких понятий, как проповедь, и таких слов у них просто не существует. Не клеветайте на Страну деловых трупов...

Иллион, однако, не смутился. Взглянув на Таниру, он произнес:

– Может быть, я и вправду клевету на Страну деловых трупов. Увы, я их мало знаю. Был один раз и потом заболел от них. Где-то на кладбище в Рипане отдышался. Но ведь центр жизни после конца света несомненно в Ауфири. Там все свое, наше, до кровинушки. Ауфирь бурлит не только идиотами. Там два полюса: тупость и черти. Народ и мечется между этими двумя крайностями. Правду ведь я говорю, Вагилид?

Вагилид мягко, даже нежно согласился. Иллион, чем-то вдохновленный, продолжал:

– Оттого и народ у вас в Ауфири, Вагилид, такой истеричный. Чуть что, – стреляют неизвестно в кого... На площадях лозунги: «Объединимся с бесами!» Кругом одни аномалии. Скотоложество к тому же... Бедных животных пугаете, они и так напуганы концом, а вы еще... У меня в Неории народ тихий, порядочный, семейный... Если кто и ждет конца света, то затаенно, мирно, как мышка, без нервов...

Танирочка наконец возмутилась:

– Ладно вам, Иллион! Вечно вы преувеличиваете. В Ауфири много честных людей, настоящих страдальцев. Страдают даже дети. Те же несуществующие. Я их тайны не знаю, но при попытке общения с одним из них я поняла, что они так травмированы этим миром, что решили

перестать существовать. Самоубийство они отрицают, потому что после самоубийства люди все равно не перестают существовать, пусть в другом состоянии... Не все так просто.

Вагилид немедленно вмешался:

– Иллион, вы все говорите о народе, о плебсе. Не все так гротескно, даже у них. Кроме того, в Ауфири есть серьезные люди, и некоторые из них – во власти. Я не имею в виду только Фурзда, Бог с ним, хотя он нам покровительствует. Он сам мечется и не знает точно, каков выход. Но я хотел бы напомнить о Крамуне...

Иллион если не подпрыгнул, то вздрогнул. Танира помрачнела.

– О Крамуне?! – наконец воскликнул Иллион. – Вагилид, не надо. Даже думать о нем не надо. Это опасно.

– А я вот думаю, господа, – прервал Вагилид, – что Крамун – единственный человек в Ауфири, который полностью контролирует Дом первого и второго безумия. Я не говорю уже о других его планах...

– Отец, – проговорила Танира, – ты сам велел не касаться этого кошмара всех кошмаров. Не будем о мрачном, лучше поговорим о конце мира...

– Не будем, – резко решил Вагилид. – Хотелось бы, чтобы наш друг из древнего мира высказался бы о своих пожеланиях...

Валентин, поблагодарив, спросил:

– Все же мне хотелось более точно знать, что произошло после того, как цивилизация голого чистогана рухнула? И что привело все-таки к концу, как вы говорите, доисторической цивилизации, а попросту человечества в том виде, как мы его знаем?

– В том виде, как мы его знаем! – возразил Вагилид. – Я уверен, что вы бы широко разинули рот, если бы попали в 3000-й год после Рождества Христова. И даже решили бы, что с глазами у вас, милый Валентин, не в порядке.

– Знаете ли, данные о том, что происходило по мере приближения к концу, все более и более засекречивались у нас. Человечество, частично выжившее после не совсем полного конца мира, не хотело знать об этом. Тем более процесс уничтожения продолжается. Все решало руководство, небольшая кучка людей, полуобезумевших от этих знаний. Может быть, они были правы. Это то, что мне, и Валентину, и еще некоторым людям на протяжении нашего, так сказать, исторического человечества удалось узнать.

– Новая цивилизация возникла к середине второго тысячелетия, – пояснил Вагилид, – для передышки человечеству. Не золотой век, но все-таки в некоторой степени были восстановлены великие традиционные знания и верования прошлого. Добавились и новые знания о параллельных мирах, новые открытия. Сохранились и естественные науки, те, которые не вели к саморазрушению. А главное – наступили относительный мир и покой. Самоистребление закончилось.

– Но...!!! – воскликнул Иллион.

– Но! – улыбнулся Вагилид.

– О «но» скажите вы. Впрочем, кое-что я уже говорил нашему русскому другу во время первой встречи...

– Конечно, данные обрывочны. Но потом, как всегда, наступил упадок, – проговорил Иллион. – Видимо, что-то неладное происходило с параллельными мирами, так сказать. Это расширение кругозора, расширение доступной реальности грозило гибелью, если контакт с божественными силами подменялся контактом с низшими, но могущественными, не обязательно даже демоническими силами.

– В общем, где-то произошел обвал, и демонические силы провалились в материальный мир, – процедил Вагилид.

– Вот это действительно был кошмар кошмаров, самое жуткое, что пережито человечеством за всю его историю на этой планете, – продолжал Иллион, помрачнев. – На самом деле

у людей не было никаких средств противиться им. Любое оружие тут ни к чему, ибо они были неуязвимы для материального воздействия по целому ряду причин. Я не демонолог, – добавил Иллион. – Те знали все детали. Трудно сказать, как их присутствие проявилось. Короче говоря, их главное воздействие было непосредственно на жизнь: на разум, на психику, на сознание. Человечество просто обезумело от такого нападения, сумасшествия, причем необычное, чудовищное стало массовым. Род людской, наверное, погиб бы, если бы не прямое вмешательство высших сил. Оно спасло нас. Все подробности этих событий засекречены в высшей мере, от них веет такой жутью, которой человеческий разум не может вместить. Контакт с потусторонними мирами дорого обошелся человечеству. Это вам не бред о несуществующих инопланетянах, которым кормили род людей начиная с XX века. Это реальность, о которой знала и предупреждала древняя традиция, еще до Рождества Христова.

Валентин слушал это, погружаясь в легкий транс, и, очнувшись, спросил:

– Что же произошло потом, хотя бы в общих чертах?! И почему сейчас у вас люди стремятся познать бесов?! После такого урока?!

– Молодой человек, – произнес Иллион, – мы опытнее вас на несколько тысячелетий... Извольте сначала выпить вот эту полную кружку «бюво» – только тогда вы сможете понять, что я вам поведаю.

Валентин машинально хлебнул «бюво», причем сразу полкружки.

– Так слушайте. Во-первых, черти, которые окружают сейчас наш мир, – это совсем не те черти, которые в свое время ворвались во владения рода человеческого. Те были демоны со своими целями и жесткие до такой степени, что наши бандиты, головорезы и убийцы – просто девочки из благородных семейств по сравнению с их манерами.

– Но какие же у них были цели?

– Молодой человек, вы слишком мало пьете, иначе вы бы догадались о том, что может сказать червяк по имени человек о целях существ, продолжительность жизни которых тянет на миллионы лет по нашим понятиям и которые управляют целыми мирами!

Танира вступилась за людей:

– Но человек, по крайней мере раньше, мог реально осуществить свое полное единство, если не тождественность с Богом. Так учил меня мой отец.

– Да, это уникальное, единственное и великое превосходство червяка. Бог дал возможность последнему стать первым! Но, Танира, я хочу ответить молодому человеку. Мы должны о нем заботиться.

– Благодарю, – скромно, но не скрывая иронии, ответил Валентин. Правда, ирония была направлена в никуда.

– Так вот, – продолжал Иллион, – нынешние бесы – совсем другой народ. Крайне веселый, дикий и явно без царя в голове. Люди это чувствуют и потому тянутся к ним. Кроме того, об уроке они не имеют никакого представления – ведь все засекречено. За раскрытие народу даже намек – четвертуют и потом мочатся на безрукий и безногий труп негодяя. Но люди не понимают, что черт есть черт, даже если он веселый. Он может, несмотря на свой оптимизм, проявить себя самым жутким образом. Кроме того, вообще подозрительно, что этим тварям нужно у ворот погибающего мира? Типические демоны давно ушли от нас – с нас ведь взять нечего. А эти черти – труположники. Они так и вьются вокруг, пугая невинных духов природы.

– Вот вам, Валентин, и весь расклад про наших чертей, – заметил Вагилид.

– Но я не ответил на другой вопрос, маэстро Вагилид! – взвился Иллион. – Что произошло потом, после вторжения!

– На это нам трудно ответить, – как-то человечно, как будто на дворе стоял XIX век, ответил Вагилид и вздохнул. – Все, что известно, а известны все-таки обрывки, то, что осталось после конца, – все это запрятано в подземелья, напоминающие ад. Есть предположение,

что опять наступили покой и смирение и некая уверенность даже. Вообще упадки сменились подъемом и так далее, циклически.

– Да, но о самой драме Конца кое-что проникло...

– В общих чертах, Иллион, – возразил Вагилид, – произошло страшное столкновение двух противоположных сил, и обе они были за человечество. Одна – та, которая вам известна, Валентин, из вашей духовной традиции. Она стремилась реализовать «новое небо и новую землю» для человека, иными словами, покончить с падшим человечеством и перевести его на другой уровень космогонического бытия. Это похоже на Страшный суд. Другая, и тоже совсем не демоническая, хотела продолжить существование данного человечества, дать физическое бессмертие людям и создать некий компромисс между духовным началом в человеке и его физическим бытием. Как видно, задача была грандиозная, но ее достижение лопнуло, ибо, как писал ваш поэт, Валентин, «все на свете относительно, кроме промысла Господнего». Промысел, конечно, превзошел титанические усилия... Как это называлось у вас, Валентин... да, Антихриста. Но это было последнее, страшное столкновение. В основе ожиданий от Антихриста лежал все-таки обман или самообман, как угодно, ибо физическое бессмертие – это абсурд, поскольку сам физический мир легко разрушаем. Он не принадлежит вечности. Вот все, что мы знаем, – опять вздохнул Вагилид, – может быть, есть еще что-то, но тсс... мы больше ничего о нем не ведаем.

И Танира тоже по-русски приложила руку к губам:

– Тсс... тсс.

И потом не промолчала:

– Я тайно воспитывалась в детстве на этом языке... благодаря отцу...

– Да, физический мир – не бессмертен. Он разрушаем, изменчив, какая тут Вечность, – грустно протянул Валентин. – Но все-таки конец мира, пусть только этого мира – ужасен!

Иллион расхохотался:

– Бросьте, Валентин. Вы не доучились еще в ваше благодатное время! – Он хлебнул «бюво» и продолжал: – Для меня конец мира – это праздник, ну, подумайте сами, что тут ужасного?! Один мираж сменится другим, и только. Человеческая душа несоизмеримо больше, чем все миры, вместе взятые, включая и те, где нет никакого зла. Заметьте, я говорю «человеческая душа», не «человек». Потому что только маленький ее аспект проявлен в людях как в физических существах. Человек может быть ничтожен, но человеческая душа в целом – божественна. Чего же нам бояться? Конца какого-то мира, ставшего нелепым и ненужным? Конечно, люди могут не осуществлять, не реализовывать божественную часть своей души, прозевать ее и даже провалиться в ад... но к нам это не относится. К тому же и ад не вечен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.